

МАЛЫЕ ХРАМЫ НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ-КЕРМЕН

Ирина Анатольевна Завадская

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
zavadskaya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>*

Аннотация. В статье впервые проанализированы и обобщены сведения о 10 малых храмах, открытых на плато Эски-Кермен, а также о полукруглой вырубке перед городскими воротами, которую называют «апсидой» не сохранившегося «надвратного храма» (III). Однако культовое назначение этой вырубке остается под вопросом. Малые храмы были однотипными сооружениями с одним нефом-наосом и полукруглой апсидой. Притвор, вероятно, более поздний, был лишь в храме 2018–2019 гг. (XI). Строительные и конструктивные характеристики этих храмов также очень похожи. При их сооружении использовали вырубленные в скале основания – «постели». Кладка была двухпанцирной с забутовкой из мелких камней, битой керамики, глины и грунта. Храмы покрывала черепичная крыша на деревянных стропилах. В одном храме (IX) сохранились остатки вымостки из плинфы, в другом (XI) – из отшлифованным каменных плит. В слоях разрушения четырех храмов обнаружены остатки фресковой росписи (VII, VIII, IX, XI). Убранству некоторых храмов принадлежали архитектурные детали с врезным, как правило, геометрическим орнаментом, иногда с крестами.

В большинстве малых храмов Эски-Кермена сохранились остатки престола и алтарной преграды. В двух храмах (IV, VI) находились небольшие ниши протесиса в стенах слева от апсиды. Таким образом, большинство, а, возможно, и все малые храмы Эски-Кермена были приспособлены для совершения литургии. Почти во всех храмах проводились также погребальные и поминальные обряды, поскольку в комплексе с ними обнаружены разного типа захоронения, в том числе костницы.

Появление малых храмов на плато Эски-Кермен, относят к IX–X вв. и связывают с активизацией городской жизни. Четыре храма (I, II, IV, V) находились на подъемной дороге и вблизи главных городских ворот. Три храма (IV, V, VI) были построены на месте оборонительных сооружений. Квартальные храмы-часовни (VIII, X, XI) открыты в трех городских кварталах. Один из них (X) по археологическим материалам датируется временем не ранее середины X–XI в., другой (XI) – рубежом X–XI в. Самым поздним является кладбищенский храм-часовня (IX), построенный в XIV в. около разрушенной кафедральной базилики, на месте которой появился некрополь после гибели города в результате набега орды Ногая. Вместе с городом в конце XIII в. погибла, вероятно, значительная часть малых храмов. Вероятно, в более раннее время в результате землетрясения были разрушены храмы в районе подъемной дороги (I, II, IV).

Малые наземные храмы известны также в ближайшей округе Эски-Кермена. Остатки одного из них открыты в крепости Кыз-Куле на горном мысе к северо-западу от Эски-Кермена. Предположительно, еще один храм был у его подножия.

Ключевые слова: Горный Крым, Эски-Кермен, церковная архитектура, малые храмы.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

SMALL CHURCHES IN THE ANCIENT TOWN OF ESKI-KERMEN

Irina A. Zavadskaya

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
zavadskaya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

Abstract. First time in the historiography, this article analyses and summarises the information about 10 small churches uncovered on the plateau of Eski-Kermen and a semi-circular carved pit in front of the city gate, which is called the “apse” of the “gate church” that does not survive (III). However, the cult purpose of this carved structure remains questionable. The small churches belong to the same time with a single nave (naos) and a semi-circular apse. The narthex, probably of a later date, appeared only in 2018–2019 church (XI). The construction and structural characteristics of the churches in question are also very similar. Their builders used the foundations cut into bedrock, or the “beddings.” There was two-face masonry with the core of fine stones, broken pottery, clay, and soil. The churches were covered with tiled roof on wooden rafters. There is a church featuring remains of plinth pavement (IX), and another one with the pavement of polished stone slabs (XI). The destruction layers of four churches contained the remains of fresco paintings (VII, VIII, IX, XI). Some of the churches were adorned with architectural details with incised geometrical ornaments, sometimes with crosses. Most of the small churches of Eski-Kermen have preserved the remains of the altar and altar screen. Two churches (IV, VI) have small niches of prothesis in the wall to the left of the apse. Therefore, most or possibly all the small churches of Eski-Kermen were adapted for liturgy. Almost all the churches were also used for funeral and commemorative rituals, as different kinds of graves, including ossuaries, occurred in their complexes. The appearance of small churches atop of the plateau of Eski-Kermen has been dated to the ninth and tenth centuries and related to the intensification of urban life. Four churches (I, II, IV, V) were located at the access road and near the main town gates. Three churches (IV, V, VI) were built at the sites of former fortifications. Quarter churches (VIII, X, XI) are uncovered in three town quarters. According to the archaeological materials, one of them (X) dates from not earlier than the mid-tenth century, and another (XI) one the turn of tenth and eleventh centuries. The latest is the cemetery church (IX) constructed in the fourteenth century at the ruined cathedral basilica, where the cemetery appeared after the destruction of the town by a raid of Nogay’s horde. A great part of the small churches probably perished along with the town in the late thirteenth century. The churches in the access road area (I, II, IV) were probably destroyed earlier, in result of an earthquake. Small above-ground churches are also known in the vicinity of Eski-Kermen. The remains of one of them occur in the fort of Kyz-Kule on a promontory to the north-west of Eski-Kermen. Presumably, there was another church at the foot of this mountain.

Keywords: mountainous Crimea, Eski-Kermen, ecclesiastical architecture, small churches

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

Средневековый город на плато Эски-Кермен изначально развивался как христианский центр, и церковная архитектура являлась ключевым элементом в его градостроительном комплексе. Он вырос на месте основанной византийцами крепости, в центре которой находилась трехнефная базилика, являвшаяся кафедральным храмом города [1, с. 45; 28, с. 144–153]. Ее руины стали достопримечательностью разру-

шенного города задолго до начала археологических исследований городища. Обломки «храма, украшенного мраморными и серпентиновыми колоннами» упомянуты в самом раннем описании Эски-Кермена, которое оставил польский посол Мартин Броневский, посетивший Крым в 1578 г. То, что этот храм и есть большая базилика в центре плато «почти у высшей его точки», первым констатировал Н. Л. Эрнст [45, с. 38]. Со времен Мартина Броневского и до начала археологических раскопок на городище Эски-Кермен из памятников культовой архитектуры была известна только эта базилика и несколько пещерных церквей у городских ворот.

Системные археологические исследования на плато начала экспедиция Централных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) под руководством Н. И. Репникова осенью 1928 г. В 1929 г. к организации экспедиции подключились также Академия наук СССР и ГАИМК [43, с. 25–26]. Уже в первые годы раскопок при расчистке подъемной дороги, ведущей к главным воротам города, обнаружили остатки нескольких наземных храмов. Однако, как отмечает сам Н. И. Репников, работы первых двух лет исследований «в силу скромных ассигнований» носили разведочный характер, что, вероятно, отразилось на качестве и полноте фиксации открытых объектов. Их описания зачастую предельно кратки и не всегда последовательны, размеры практически не указаны, не все планы отличаются точностью, полученный при раскопках археологический материал упоминается избирательно.

1. Первым из открытых в 1928 г. оказался так называемый **вырубной храм с усыпальницей**. Его остатки находились на расчищенной скальной площадке на юго-восточном краю плато, к югу от подъемной дороги (рис. 1, 1; 2¹; 3) [35, с. 112, рис. 5; 36, с. 190, рис. 47; 37, с. 22–23; 43, с. 25]. Краткое описание храма, оставленное Н. И. Репниковым, дополняют хранящиеся в архиве ИИМК фотографии и выполненный Е. В. Веймарном и В. С. Цукерманом план 1930 г., впервые опубликованный Н. В. Днепровским [23, с. 185, рис. 9] (рис. 3).

Храм был построен из камней на скальных основаниях – «постелях». На момент расчистки сохранился, вероятно, только нижний ряд кладки северной части апсиды «из мелких, неровных камней на плохом растворе» [37, с. 22]. Самым высоким было основание северной стены, устроенное на скальном уступе. Вдоль него внутри храма высечена скамья (рис. 3, 3). Вблизи апсиды скамья завершается вертикальной вырубкой под алтарную преграду. В центре апсиды был установлен четырехугольный подпрестольный камень. В скальном основании западной стены вырублен дверной проем с порогом и ступенью, ведущей вниз в храм. Уровень пола был ниже поверхности скалы перед храмом. Основание южной стены понижается с запада на восток и в восточной части практически нивелируется до уровня пола. Стены храма были покрыты штукатуркой с примесью рубленой соломы. Следов фресковой росписи не обнаружили. Снаружи храма вдоль основания северной стены по направлению к

¹ Выражаю благодарность А.А. Душенко за проведенную с помощью квадрокоптера аэрофотосъемку храмов (I, II, III, IV, V) и других объектов в районе подъемной дороги Эски-Кермена.

апсиде в скале вырублена «неглубокая водоотводная канавка» [37, с. 23, 25]. К востоку от апсиды раскопки не проводились.

В настоящее время большая часть храма заросла густым кустарником и деревьями (рис. 2). Поэтому провести обмеры его остатков без зачистки невозможно. О размерах храма можно судить по указанному плану 1930 г. (рис. 3,1), который представляется достаточно точным. Ширина храма внутри, включая толщину западной скамьи, составляла примерно 2,5–2,6 м, длина внутри (до восточной стены апсиды) – примерно 4,1 м, длина наоса (до алтарной преграды у северной стены) – примерно 2,6 м. Внешние размеры с учетом толщины «постелей» и кладки апсиды: ширина – примерно 4,5–4,6 м, длина – примерно 5,3–5,4 м.

В уступе скалы, на котором была основана западная стена храма, слева от входа в него находится пещера – «усыпальница № 100», квадратной в плане формы с закругленными углами [37, с. 23] (рис. 3,1,3). Входная стена и потолок частично обрушены, но сохранилась нижняя часть дверного проема и две ступени, ведущие вниз внутрь усыпальницы [35, с. 112]. На полу обнаружили лишь «нетолстый (0,10–0,18 м) слой сильно истлевших костей» [37, с. 23].

К западу от храма на скальной площадке был двор с вырубками разного назначения. В северо-западном углу находится «усыпальница № 99», трапециевидной в плане формы. Ее входное отверстие перекрывали тесанные известняковые плиты, одна из которых (западная) сохранилась *in situ* (рис. 3,1,2). На полу было «немного сильно истлевших костей в беспорядке», среди которых нашли «вырезанную из известняка модель часовенки со сквозным вертикальным отверстием» [37, с. 25].

Юго-западнее двора на выступе скалы находятся две вырубные гробницы, которые в 1928 г. были уже пустыми [37, с. 25]. Еще три таких же гробницы (разной длины) сохранились на обвалившейся глыбе, лежащей у подножия скального выступа, продолжением которого эта глыба была до обрушения (рис. 2).

Скальная глыба с гробницами откололась своей северной стороной от основного массива плато по глубокой трещине, продолжающейся к востоку и пересекающей западную часть двора и всю территорию храма почти по оси запад-восток (рис. 2,1; 3,1-3). Еще одна глубокая трещина проходит внутри храма по диагонали (рис. 3,2) (она также хорошо видна на опубликованном фото: [37, с. 31, рис. 13]). Судя по размерам и местонахождению, эти трещины, безусловно, сейсмического происхождения, могли нарушить целостность храма. Скорее всего, уже после прекращения его функционирования под основанием южной стены вырубил пещеру хозяйственного назначения, названную Н. И. Репниковым «хлебом» [35, с. 112].

II. Высеченное в скале основание еще одного **малого храма** сохранилось **на скальной глыбе, лежащей у подножия горы** к юго-западу от обломка скалы с гробницами (рис. 1,II). Глыба с остатками храма является самой крайней из крупных осколков, отколовшихся от южной оконечности эски-керменского плато. Как видно на аэрофотоснимке, она лежит на одной линии со скальной площадкой, на которой расположены описанные выше остатки двора и храма 1928 г., а также с

участком с двумя гробницами и обломком с тремя гробницами (рис. 2,1). Вероятнее всего, что до обрушения все эти части были продолжением друг друга, и глыба с храмом примыкала к глыбе с гробницами, а не к соседнему (к северо-западу) выступу скалы, как реконструировал изначальное местоположение храма Н. И. Репников [37, с. 21, 29, рис. 8, 11]. На этом выступе не виден упоминаемый Н. И. Репниковым «уцелевший след края апсиды» [37, с. 22]. Более того, непосредственно под выступом есть два относительно крупных обломка скалы, которые откололись именно от него (рис. 2,2).

Глыбу с основанием храма исследовали, вероятно, в начале 1930-х гг. (в 1931 или 1933 гг.), когда шла зачистка подъемной дороги. Впервые Н. И. Репников очень кратко упоминает о ней в статье, посвященной подъемной дороге, в которой также впервые опубликован план этой дороги с указанием предположительной изначальной локации храма (пунктиром) [37, с. 22, рис. 8, 11]. К 1933 г. относится хранящийся в архиве ИИМК черновик полевого чертежа этого плана, фрагмент которого со схемой храма опубликован в статье Н. В. Днепровского [23, с. 160, 184, рис. 7]. В этой же статье автор приводит подробное описание остатков храма с указанием размеров всех сохранившихся частей², а также созданный по авторским обмерам план и несколько фотографий [23, с. 160–161, рис. 8, фото 16–19] (рис. 4,1).

В настоящее время скальная глыба со всех сторон окружена густыми зарослями кустарников и деревьев. Ее поверхность с остатками храма сильно наклонена к югу по отношению к земле. По измерениям Н. В. Днепровского, суммарный уклон пола достигает 50° [23, с. 160]. Относительно хорошо сохранилась вырубленная в скале восточная часть храма – основания северной и южной продольных стен, длиной 1,7 м и 2,55 м соответственно, и основание кладки апсиды. Отбит лишь край апсиды. Сохранившаяся длина (глубина) апсиды составляет 1,16 м. Максимальная высота оснований стен – 0,54–0,7 м [23, с. 160–161]. В апсиде находится высеченное в скале четырехугольное основание престола, смещенное примерно на 20 см к северной стене. Его размеры: 0,39–0,41х0,51–0,54 м, сохранившаяся высота – 0,43–0,48 м. В апсиде с правой стороны расположен треугольный выступ высотой 0,36–0,43 м и длиной внутренних сторон 0,42 м и 0,75 м. Н. В. Днепровский интерпретирует этот выступ как сидение для священника [23, с. 160–161]. Ширина апсиды по линии входа без учета сидения – 1,84 м и по верхнему краю оснований противоположных стен, включая сидение – 2,37 м. Согласно нашим измерениям, ширина храма внутри по верхнему краю оснований северной и южной стен – 2,8 м³. Западная стена храма не имела четко выраженного скального основания, и ее внутренняя граница определяется предположительно по поперечной (по отношению к продольной оси храма) неглубокой подрубке с нечеткими очертаниями на расстоянии примерно 3,1 м от

² Промеры этого и последующих сооружений (II, III, IV, V), выполненные Н. В. Днепровским, в основном совпадают с нашими измерениями.

³ По данным Н. В. Днепровского, ширина наоса равна 2,64 м по уровню пола и 2,95 м по уровню кромки «северной» стены [23, с. 161].

начала апсиды⁴. Если принять во внимание эту величину, то длина храма внутри вместе с сохранившейся частью апсиды составляет примерно 4,26 м. В таком случае, реконструируемая полная внутренняя длина храма – 4,5 м вполне возможна [23, с. 161]. За основанием южной стены храма находится вырубленная в скале могила. Ее длина по верхнему краю – 1,98–2,00 м, ширина в восточной части – 0,44 м, в западной части – 0,49–0,51 м, глубина – 0,30–0,32 м. Археологические материалы, относящиеся к храму, не выявлены.

В 1929 г. экспедиция Н. И. Репникова обследовала комплекс главных городских ворот, находившихся в вырубленном в скале коридоре, ведущем на главную продольную улицу города. Были зачищены участок перед воротами, место самих ворот, начало улицы, пещерные сооружения в отвесных стенах скального коридора и в основании скалы перед ним, а также поверхность скалы по обе стороны проезда. В рамках нашего исследования особый интерес представляют остатки сооружений на восточном и западном выступах скалы перед воротами, в самом начале проездного коридора (рис. 5).

III. На восточном выступе, справа от входящего в город, находится один из наиболее спорных объектов, открытых в этой части городища. Это так называемый «скругленный вырез в камне с квадратным углублением в полу» [35, с. 127–128] (рис. 1, III; 4, 2). Эта вырубка отражена на общем плане поверхности скалы и сооружений, открытых в 1929 г. у городских ворот [опубликован: 23, с. 180, 183, рис. 2, 5] (рис. 5). Ее форма приближена к квадрату с почти прямыми двумя сторонами, с закругленными углами и слегка дуговидно изогнутой восточной стороной. Длина по центральной оси – 1,58 м, ширина – 1,65 м, максимальная глубина – 0,80 м. Размеры углубления: 0,40–0,43х0,50 м, глубина – 0,12 м. Углубление смещено к северной стене примерно на 10–12 см.

Форма и ориентация на восток, а также расположенное почти в центре углубление, которое могло быть местом престола, дали основание Н. И. Репникову видеть в этой вырубке апсиду часовни. Ее продолжением он считал высеченные в скале основания стен и нижние ряды «поздних кладок», обнаруженные на противоположном, западном выступе. Пытаясь соединить эти два объекта в одно сооружение, он допустил, что его средняя часть (над дорогой) проходила по деревянным лежням, перекрывавшим проход к воротам [35, с. 128]. Эта идея не была поддержана другими исследователями, поскольку техническая невозможность такой конструкции вполне очевидна. Продольные оси «восточной апсиды» и сооружения на западной «площадке» не совпадают, к тому же эти объекты находятся на разных уровнях (рис. 4, 3). Скальный пол «восточной апсиды» в среднем на 1 м (99–103 см) выше уровня пола западной «площадки»⁵. Уже Е. В. Веймарн рассматривал эти объекты как остатки двух разных сооружений, а именно часовен [17, с. 20–21]. Высеченная

⁴ Эта величина согласуется с планом, опубликованном Н. В. Днепровским, хотя в тексте автор указывает расстояние в 3,25 м [23, с. 160, 184, рис. 8].

⁵ Выражаю благодарность А. Е. Катюшину за проведение теодолитной съемки упомянутых объектов.

в скале «алтарная часть», по его мнению, принадлежала «поздней часовне, устроенной над воротами». В незаконченной монографии Е. В. Веймарна и М. Я. Чорефа допускается, что здание часовни могло быть деревянным [16, л. 36 (70)]⁶. Следы подпорок пола этой часовни Е. В. Веймарн считал «пять пар выбоин» в «ступенеобразной обочине въезда» перед воротами⁷ [17, с. 20; 16, л. 36 (70)]. Однако, как вполне справедливо отметил Н. В. Днепровский, вырубки-гнезда под деревянные конструкции по своему местонахождению лишь частично соотносятся с положением апсиды [23, с. 156] (рис. 4,2). В основном они расположены к северу от нее, непосредственно перед местом, где находились главные ворота, следовательно, быть опорой для наоса храма не могли. Н. В. Днепровский высказал идею, согласно которой основанием «надвратного» храма был каменный свод, перекрывавший воротный проезд. В свою очередь, основанием каменного свода, по мнению автора, была уже упомянутая «ступенеобразная обочина», суживающая проезд перед воротами [23, с. 157]. Изучив подрубки под оборонительные стены вокруг апсиды «надвратного храма», он предположил, что эта апсида «или нечто, находившееся на этом месте, была вписана в структуру внешней стены», т.е. «надвратный храм» был сооружен одновременно с внешней (оборонительной) стеной [23, с. 153]. Автор допускает, что данный храм примыкал к надвратной башне и оба сооружения соединялись входом [23, с. 156]. А. Ю. Виноградов вполне обоснованно опроверг возможность нахождения храма перед лицевой стеной башни, так как это бы полностью лишило ее оборонительной функции [19, с. 175]. Тем не менее, признавая существование «надвратного храма», А. Ю. Виноградов, так же как Н. И. Репников и Е. В. Веймарн, считает, что он мог появиться только после разбора оборонительных стен и надвратной башни при хазарах, скорее всего, после восстановления византийской администрации в Горном Крыму в 840-е гг. [19, с. 175].

Таким образом в историографии укрепилось мнение о том, что на Эски-Кермене был «надвратный храм», от которого сохранилась только апсида. Однако все предложенные реконструкции этого сооружения весьма противоречивы и не вполне учитывают все особенности архитектурного пространства у эски-керменских ворот. Прежде всего, эта «апсида» находится перед, а не над воротами. Как уже было отмечено, совершенно очевидно, что она изначально была вписана в оборонительную систему восточного выступа скалы: справа и слева от нее сохранились непосредственно примыкающие к ней подрубки – «постели» под стены, причем основание стены с южной (правой) стороны примерно на 35 см выше основания с северной стороны. «Апсида» была как бы вклинена между двумя участками стен. Стена с южной стороны, судя по направлению «постели», поворачивала на восток и северо-восток, повторяя контур скалы. На поверхности скалы вблизи «апсиды» нет никаких «постелей» под кладку ее стены, что достаточно ясно видно на аэрофотоснимке, на котором, в частности, заметна подпрямоугольная подрубка (водосток?),

⁶ Цитата из этой работы опубликована в: [23, с. 152].

⁷ Н. И. Репников также считал, что гнезда, расположенные именно под апсидой «в обрезе стены прохода», были предназначены «для установки концов деревянных брусьев-лежней», которые несли на себе деревянный пол «средней части часовни» [цитата из отчета 1929 г., хранящегося в архиве ИИМК, опубликована в: 23, с. 150–151].

соединяющая «апсиду» и «постель» южной стены (рис. 5,2). Таким образом, у нас нет оснований говорить, что над полукруглым углублением были каменные стены и перекрытие. Данное сооружение вряд ли имело продолжение за рамками среза скалы. Уже упоминавшиеся вырубки-гнезда (пазы), которые практически симметрично расположены на скальных выступах с обеих сторон дороги, вблизи городских ворот, чаще всего связывают с оборонительными предвратными конструкциями начального этапа существования крепости⁸. Их использование было бы несовместимо с функционированием «надвратного храма», т.к. часть этих пазов находится на уровне северной части так называемой «апсиды» (рис. 4,2). Вряд ли возможен и основанный на скальных выступах каменный свод, который перекрыл бы эти пазы. Скорее всего, углубление с закругленными углами на подошве восточного выступа скалы возникло одновременно с ранневизантийским оборонительным комплексом вблизи городских ворот. По мнению исследователей, выступы скалы по обе стороны дороги играли роль предвратных боевых площадок [17, с. 21; 1, с. 43]. Вопрос о том, какую функцию выполняло рассмотренное сооружение, оборонительную или культовую, если учитывать прямоугольную выемку в центре, пока остается открытым.

IV. На западном выступе скалы в самом начале дороги (слева от входящего) сохранились остатки **малого храма-часовни с усыпальницей**, зачищенные также в 1929 г. [35, с. 128] (рис. 1,IV; 5). Как уже отмечалось, то, что этот храм не являлся продолжением «восточной апсиды» (в этой статье – III), как предполагал Н. И. Репников, а был отдельным сооружением, первым отметил Е. В. Веймарн [17, с. 21].

Храм находился на площадке перед вертикально срезанной скалой, выполнявшей роль его северной стены, в нижней части которой была вырублена продольная скамья. В середине этой стены над скамьей находится пещера – «усыпальница № 68» (рис. 4,3,а; 5,1,а). В восточной части скамьи вырезан вертикальный паз от алтарной преграды, а над скамьей, в апсиде – ниша протесиса (рис. 4,3,б), согласно интерпретации Н. В. Днепровского, с которой согласился А. Ю. Виноградов [23, с. 154; 19, с. 174]. От храма также сохранились вырубленные в скале основания западной и частично южной стен, а также северная часть основания апсиды. Юго-восточная часть храма, включая большую часть апсиды, полностью утрачена. Остатки храма и усыпальницу достаточно подробно описал Н. В. Днепровский⁹ [23, с. 153–155].

Общие размеры храма (согласно нашим данным): ширина внутри у западной стены – 1,96 м, в центре – 2,16 м и перед алтарной преградой – 2,13 м, сохранившаяся длина – 4,03 м. Длина наоса (от основания западной стены до подрубки под алтарную преграду) – 2,28 м, ширина подрубки под алтарную преграду – 0,17 м, сохранившаяся длина алтарной части – 1,58 м¹⁰.

⁸ Н. И. Репников рассматривал данные пазы как свидетельство использования железной решетки «катаракты» и «шандорных» переборки из брусьев для усиления обороны городских ворот [35, с. 123; 36, с. 192]. А. Ю. Виноградов предположил, что это были пазы под балки, поддерживавшие боевую площадку перед надвратной башней [19, с. 175].

⁹ В статье Н. В. Днепровского опубликована большая цитата из отчета о раскопках Н. И. Репникова за 1929 г., а также план и разрезы поверхности скалы у городских ворот из материалов Эски-Керменской экспедиции, хранящихся в архиве ИИМК [23, с. 150–151, рис. 2–5].

¹⁰ Поскольку скальные вырубки оснований стен не имеют прямых линий, углов и откосов, в приведенных измерениях могут быть погрешности в пределах 1–3 см.

Судя по не вполне определенным описаниям Н. И. Репникова, «усыпальница № 68» была вырублена под основанием «боевой стены» или «южной стены башни» [35, с. 128; цитата из отчета 1929 г.: 23, с. 150]. Поскольку на этом месте впоследствии была построена из камня верхняя (несохранившаяся) часть северной стены храма, этот вопрос заслуживает внимания. Как видно на плане 1929 г., немного дальше к северу от места этой стены зачистили ряд из пяти крупных тесанных блоков, находившихся на скальном основании вдоль дороги (рис. 5,1). Пятый, крайний с севера блок был повернут по отношению к остальным почти перпендикулярно. Н. И. Репников считал, что это были облицовочные камни нижнего ряда прямоугольной башни, которая находилась над проездом [36, с. 193]. По реконструкции Е. В. Веймарна, это были остатки надвратной башни, перекрывавшей ворота и проезд за ними. От южной стены башни на восток и запад «отходили основные крепостные стены» [17, с. 16, 21, рис. 6]. Согласно этой реконструкции, северная стена храма-часовни была построена на месте примыкавшей к башне с запада оборонительной стены, а не собственно «на остатках этой башни» [36, с. 193]. По той же реконструкции, остальная часть храма была построена на месте боевой площадки [17, с. 21]. Вероятно, позднее Е. В. Веймарн внес изменения в свою реконструкцию, т.к. в уже упомянутой его совместной с М. Я. Чорефом неизданной работе предполагается, что весь западный выступ до появления там церкви занимала боевая башня [16, л. 36 (70); 23, с. 152].

Как признают все исследователи, этот храм-часовня построен после ликвидации оборонительных сооружений у главных ворот. Фортификация Эски-Кермена была упразднена при хазарах, подавивших антихазарское восстание, которое произошло в Готии между 784 и 787 гг. [2, с. 217–219; 3, с. 240]. Строительство храма, скорее всего, стало возможным после возвращения Горного Крыма под управление Византии и создания фемы Климатов в 841 г. [2, с. 222–223]. Это подтверждается, в частности, находками из упоминавшейся «усыпальницы № 68», которая, скорее всего, была вырублена одновременно с храмом в его северной стене. Как следует из отчета Н. И. Репникова, на дне усыпальницы в слое перемешанных костей (толщиной до 12 см) были найдены «височное кольцо, согнутое из медной проволоки с несомкнутыми концами, медная пуговка, два стеклянных браслета синего стекла (один из них расписан белыми узорами) и обломок стаканчика зеленоватого стекла» [цитата из отчета Н. И. Репникова: 23, с. 150–151]. Эти находки традиционны для погребений конца IX – XI в. [1, с. 47; 6, с. 426].

Датировка этого храма XII–XIII вв., предложенная Н. В. Днепровским, представляется неоправданно поздней [23, с. 156]. Авторы типологии пещерных храмов, на которую он ссылается, к этому времени относят «перемещение протесиса в алтарную апсиду» [20, с. 75]. Однако они же замечают, что ниша протесиса (так же как и углубление под св. мощи в престоле) могли вырубаться уже после появления храма [20, с. 77].

С рассматриваемым храмом, скорее всего, также связана вырубленная в скале к западу от него прямоугольная могила № 69 с заплечиками [35, с. 128] (рис. 5,1,б). Ее длина – 2,0 м, ширина – 0,4–0,5 м, глубина – 0,54–0,66 м. Как следует из отчета Н. И. Репникова, она была «полна доверху перерытыми костями, средней сохранности, среди которых найдены обломки стеклянного сосуда» [цитата из отчета 1929 г.: 23, с. 151].

Разрушение храма-часовни, скорее всего, связано с сейсмическим событием, в результате которого образовалась мощная трещина в скале, пересекающая юго-восточный край плато. На аэрофотоснимках она прослеживается от самого начала плато до места главных ворот и пещерного храма «Судилище», потолок которого рухнул по ходу трещины (вероятно, уже в новое время) (рис. 6,2). Эта трещина расколола западный скальный выступ, на котором был храм. В результате неизбежно была повреждена его юго-восточная часть с апсидой, а, возможно, и разрушено все здание. В любом случае, после этого отколовшуюся часть скалы удалили и в обресте выдолбили пещеру¹¹. Наружный контур ее входной стены и порога точно очерчены трещиной. Вход в пещеру оказался под бывшей апсидой храма.

В 1929 г. на скальном фундаменте западной стены обнаружены остатки кладки, зафиксированные на общем плане и разрезах поверхности скалы у главных ворот [35, с. 128; цитата и план из отчета Н. И. Репникова: 23, с. 151, 180, рис. 2] (рис. 5,1). Судя по (до сих пор неопубликованной) фотографии того времени, раскопки открыли два ряда по пять тесанных разновеликих камней в каждом ряду, два камня в третьем ряду и, вероятно, один камень в четвертом ряду, который практически достигал западного (пониженного) уровня скальной площадки (рис. 6,1). Эта кладка могла остаться после разрушения храма и служить в качестве забора. К позднему времени относится ряд из 5 более мелких камней, не вполне ровно уложенных вдоль основания южной стены, которые также видны на плане, разрезе и фотографии 1929 г. Скорее всего, после трансформации западного выступа в его южной части, слева от остатков храма и пещеры, появилась высеченная в скале лестница. При ее строительстве был стесан наружный (южный) угол основания западной стены храма. Эта лестница вела на площадку к западу от храма, а не к храму, вход в который был, скорее всего, в западной части южной стены, где сохранилось небольшое понижение «постели» [23, с. 154–155].

Таким образом, привратный храм с запада от городских ворот перестал существовать еще до того, когда город был разрушен. Причиной этого, скорее всего, являлось землетрясение, в результате которого храм был поврежден, а затем разобран.

V. В районе подъездной дороги и главных ворот города находился еще один **малый храм**. Его остатки обнаружили в **1930 г. на верхней скалистой площадке т.н. башенного комплекса** («пещерного каземата» или «башенного каземата»), возвышающегося у начала подъема на городище по скальной дороге (рис. 1,1/; 7). Этот комплекс, в виде созданной природой скальной башни с выдолбленным в верхней ее части пещерным казематом и сооружениями на ее поверхности, являлся важным объектом южного узла оборонительной системы города [36, с. 186–187; 17, с. 22–23; 25, с. 95–101]. Н. И. Репников предполагал, что «часовня» была построена после гибели стены, от которой остались лишь вырубки «постели» [36, с. 187]. Е. В. Веймарн также считал, что над пещерным казематом (по его нумерации – I) были «боевые стены»¹² [17, с. 23]. Н. В. Днепровский усомнился в том, что на этом месте храму мог-

¹¹ Эта пещера под № 87 отмечена на составленном В. Е. Веймарном плане Эски-Керменского городища с указанием пещер и очень кратко им описана [14, л. 4; 15, л. 82].

¹² В отличие от Н. И. Репникова, по мнению которого оборона дороги в город велась из бойниц пещерного каземата, Е. В. Веймарн отводил им роль машикулей для защиты только «щелей, лежавших по обе стороны» каземата. Оборону дороги и находившихся на третьем (верхнем) марше ворот А, по

ли предшествовать оборонительные сооружения – стена или башня [25, с. 96–97]. Он склонен допускать, что храм был изначально архитектурной доминантой на этом участке, являясь «твердыней метафизической», в то время как «пещерный каземат осуществлял функцию физической защиты», а также вмещал в себя хозяйственный комплекс. Храм и каземат, по его мнению, были частью «крупного общежительного монастыря», расположенного у южных ворот Эски-Кермена [25, с. 96–101].

Следует отметить, что Н. И. Репников в своем очень кратком описании не отождествляет «вырубки «постели» стены, снесенной без остатка» со скальным основанием «часовни», как на это указывает Н. В. Днепровский [25, с. 96]. Н. И. Репников лишь отмечает, что после гибели стены «здесь» построили «часовню», фундаменты которой «вскрыли раскопки» [36, с. 187]. Поэтому рассуждать о боевой стене и ее расположении по остаткам основания часовни не корректно. Не имеет смысла также попытка доказать, что боевая башня не могла находиться на этом месте, т.к. тонкая «скорлупа» скалы ее бы не выдержала [25, с. 97]. Никто из исследователей не утверждал, что здесь была построенная из камня башня.

Результаты раскопок башенного комплекса и открытые строительные остатки не были детально описаны. О них можно судить лишь по чертежам и фотографиям 1930 г. (рис. 7,2; 8), а также по сохранившимся скальным вырубкам.

Нет сомнений в том, что именно с часовней связаны ступенеобразные вырубки под южную стену, южное плечо и апсиду (рис. 7,1,3). Однако на скальной площадке есть свидетельства предшествующего часовне строительного периода. К ним относится водосток, который хорошо прослеживается от места вблизи подалтарного камня (столба) в апсиде, затем почти под прямым углом он поворачивает на северо-запад и продолжается до края скалы, где расходится на два или три стока. После сооружения храма водосток оказался внутри наоса, вдоль его северной стены. На востоке он был перекрыт крупным хорошо тесанным каменным блоком северного плеча апсиды, а на западе – кладкой западной стены. Водосток начинался южнее храма, вероятно, двумя стоками, которые сходились на месте будущей апсиды. Часть водостока была уничтожена вырубкой южного основания апсиды.

Скорее всего, изначально не связана с храмом также неглубокая (желобообразная) подрубка вдоль основания его южной стены. На востоке эта подрубка длиннее стены, а в юго-западной части площадки она поворачивает под тупым углом (двумя изгибами) на север. Направление западной части подрубки не совпадает с направлением кладки западной стены часовни, от которой на момент раскопок сохранилось несколько камней от наружного панциря (рис. 7,1,2). Следовательно, эта подрубка не предназначалась для часовни. Вполне вероятно, она отмечает границу предшествовавшей часовне оборонительной стены, которая, в таком случае, находилась максимально близко к округлому краю скалы.

Около подрубки с внутренней (восточной) стороны в скале сохранились остатки сужающегося книзу круглого углубления с верхним диаметром не менее 30 см (рис. 7, 1,2). Оно частично обломано при обрушении скального пола. Вероятно, это было гнездо для установки сосуда. Судя по расположению, оно могло находиться рядом с границей предполагаемой оборонительной стены.

его мнению, могли вести только с боевых стен, расположенных над пещерным казематом [17, с. 23].

Связанные со строительством часовни ступенеобразные подрубки скалы с южной стороны были нужны для выравнивания пола будущего храма. Сохранившиеся кладки стен были трехслойными – с внутренним и внешним панцирями и забутовкой между ними. Как видно на плане и фотографии 1930 г., нижний ряд внутреннего панциря южной стены, сложенный из штучных, хорошо тесанных каменных блоков, находился на ровной поверхности пола, вдоль скальной подрубки-выступа (рис. 7,2; 8,2). Внешний панцирь не сохранился, но, скорее всего, он находился на этом выступе, который служил ему основанием.

Северная стена не имела высеченной скальной «постели». В настоящее время на поверхности скалы от нее не осталось следов. Раскопками были открыты нижние ряды кладки восточной части этой стены, состоящей из разновеликих камней (рис. 8,2,3). Последний блок на западном конце был положен поперек кладки. Не исключено, что он оформлял дверной проем и, в таком случае, вход в храм мог быть в западной части северной стены. Это тем более вероятно, что вход в западной стене, находившейся очень близко к округлому краю скалы, был бы не удобен и опасен.

От западной стены раскопками открыто 4 рядом стоящих *in situ* каменных блока наружного панциря северной части стены и 1 блок, южнее, вероятно, сдвинутый с линии стены, поскольку он находился под углом к предыдущим (рис. 7,2; 8,1). Не исключено также, что западная стена не была прямой и имела небольшой изгиб примерно в середине своей длины, что могло бы свидетельствовать о попытке строителей вписать эту стену в подрубки от предыдущего сооружения (оборонительной стены).

Апсида храма отделена от наоса с южной стороны ступенеобразной подружкой, на которой сохранилось округлое углубление, вероятно, для установки небольшой колонки у входа в апсиду (рис. 7,1). За этим углублением (не отмеченным на плане 1930 г.) находился крупный, хорошо тесанный прямоугольный каменный блок, аналогичный блоку, установленному с противоположной стороны входа в апсиду (в северном плече) (рис. 8,2). Раскопками открыто несколько (2–4) рядов кладки апсиды. Снаружи верхний ряд состоял из таких же крупных, хорошо тесанных прямоугольных каменных блоков, лежавших на камнях меньшего размера, выполнявших роль цоколя (рис. 8,1). Цоколь состоял из одного ряда на выступающем скальном основании в южной и восточной частях, и из двух рядов в северной части, где основание понижается. Внутренний панцирь апсиды был выложен из небольших тесанных камней с соблюдением порядковки (рис. 8,2). На момент раскопок сохранилось 3–4 ряда кладки. Как видно на фотографии, нижний ряд был выложен перед скальным основанием, благодаря чему получился относительно округлый внутренний абрис апсиды. Уровень скального пола в апсиде был такой же, как и в наосе. Примерно в центре апсиды, со сдвигом к южной стене установлен сохранившийся до сих пор подпрестольный камень (рис. 7; 8,2). Он был вставлен в вырезанное в скале прямоугольное гнездо. Размеры камня – 0,23х0,32 м, сохранившаяся высота – 0,53 м.

Точные размеры храма в настоящее время определить сложно, поскольку северная и западная стены не имели видимых в скале оснований. По сохранившимся остаткам и плану 1930 г. (рис. 7,2), можно установить следующие параметры. Размеры апсиды внутри: длина – 1,2 м, ширина – 1,5 м, наос внутри: длина – около

3,7 м, ширина – 3,0–3,1 м. Примерные размеры храма снаружи: длина – около 6,2 м, ширина – около 4,3 м.

Археологических свидетельств, датирующих время появления и разрушения храма, не сохранилось. Скорее всего, на этом месте ему предшествовали оборонительные и хозяйственные комплексы. С обрушением храма, вероятно, связан пролом скалы в его центре, который мог образоваться от рухнувших внутрь стен. Тот факт, что храм не восстановили и полностью не разобрали, позволяет предположить, что он погиб вместе со всем городом.

VI. На западном участке оборонительной системы Эски-Кермена еще **на одном сильно выступающем, высоком башнеобразном мысе**¹³ в 1929 г. обнаружили остатки **малого храма с усыпальницей** (рис. 1, VI). Н. И. Репников и позже Е. В. Веймарн были уверены, что «небольшую часовню» построили на основании боевой башни, которое представляло собой «квадратную выемку» в скале [35, с. 131; 36, с. 187; 17, с. 41] (рис. 9). Н. В. Днепровский, подвергнув сомнению этот вывод, перечислил ряд факторов, которые, по его мнению, ставят под сомнение «целесообразность боевого применения подобной “башни”» и подтверждают, что ее «боевая ценность... близка к нулевой» [24, с. 71–72]. Прежде всего, он указывает на «невыгодное» местоположение и высокую вероятность захвата неприятелем такой башни, поскольку она соединялась с основной частью плато незащищенным узким перешейком, находилась ниже самого плато, а склон горы по обе стороны мыса был «вполне проходимый». В то же время, это место он считает подходящим для храма. Предваряя этот вывод, он делает достаточно правдоподобное и перспективное предположение о том, что «расщелины по бокам от скального выступа» могли быть перекрыты крепостными стенами. И хотя раскопки до сих пор там не проводились, Н. В. Днепровский указывает на выступ в скале с северной стороны мыса, который может быть свидетельством такой стены [24, с. 71–72]. Следовательно, подходы к вершине мыса могли быть достаточно хорошо защищены. В таком случае, высказанный автором аргумент об уязвимости башни и, как следствие, невозможности ее существования на этом месте не убедителен.

Важным обстоятельством является то, что апсида храма была вырублена в северной стене «квадратной выемки», в связи с чем алтарная часть ориентирована на север. Необычную ориентацию храма, так же, как и неудобное место расположения апсиды, основание которой находится на самом краю покатого склона, совершенно справедливо отметил Н. В. Днепровский [24, с. 75]. При этом он подчеркнул, что на скальной площадке было достаточно места для того, чтобы разместить храм вместе с усыпальницей канонически правильно, т.е. апсидой на восток. Пытаясь объяснить, «что же заставило строителей... создать себе такие существенные проблемы», исследователь обратил внимание на то, что алтарь храма сориентирован на укрепление Кыз-Куле, находящееся на плато горного мыса к северо-западу от Эски-Кермена. В результате он пришел к выводу, что храм выполнял «дозорную функцию» и был частью «небольшого монастырского комплекса», в который входили также две пещеры – № 37 и № 38, вырубленные соответственно в юго-восточном и западном склонах этого мыса ниже скальной площадки с храмом (рис. 9, I, Б, В). Пещеру

¹³ По нумерации Е. В. Веймарна – мыс, башня X [17, рис. 3 (вкладыш между с. 10 и 11), с. 41].

№ 37 он называет кельей привратника, № 38 – трапезной и местом отдыха «дежурной смены» монахов. По логике автора, весь комплекс был монастырским потому, что «лучших стражей, чем монахи с их длительными богослужениями, придумать было трудно» [24, с. 75–76].

Как правильно заметил Н. В. Днепровский, соседняя башня Кыз-Куле хорошо видна из апсиды храма (рис. 10,2). Однако вряд ли можно согласиться с тем, что ее сооружение на этом месте было связано именно с этим обстоятельством. Крохотная апсида, большую часть которой занимал престол, была бы не лучшим (если вообще возможным) местом для ведения дозора. Даже если предположить, что в стене апсиды было окно, как правило, очень небольшое, учитывая толщину стены обзор был бы крайне ограничен.

Представляется более логичным объяснение «неудобства» и неканоничности расположения апсиды тем, что она была вписана в уже существующее основание предыдущего сооружения, в котором вход был в восточной стене. Абсолютно можно согласиться с тем, что это место очень удобно для наблюдения и дозора, а также визуальной связи с близлежащим укреплением. Однако дозорную функцию, скорее всего, могла выполнять расположенная там небольшая башня, боевая ценность которой, возможно, была невелика, как это отметил Н. В. Днепровский.

Не убедительна также попытка пересмотреть принадлежность «следа раствора извести (с толченой черепицей)», обнаруженного при раскопках на поверхности «постелей» в северо-западном углу «квадратной выемки». По мнению Н. И. Репникова, на этом растворе «лежала кладка древней башни» [36, с. 187; цитата из отчета Н. И. Репникова: 24, с. 70]. Н. В. Днепровский, сославшись на то, что применение известкового раствора с толченой керамикой, или цемянкой, в оборонительных сооружениях Эски-Кермена «более нигде не описывалось», считает, что указанные «следы» принадлежали первоначально существовавшему на этом месте «добротнo выстроеному на цемяночном растворе храму из хорошо отесанных камней» [24, с. 73–74].

Сам по себе цемянковый раствор не может определять назначение сооружения, тем более давать повод для подобной реконструкции. Стены Эски-Кермена еще недостаточно изучены, чтобы исключать вероятность находки такого раствора на других участках обороны. Это вполне возможно, если учесть, что в Херсонесе, откуда, скорее всего, приезжали строительные артели на Эски-Кермен, цемянковый раствор обнаружен в кладках как храмов, так и оборонительных стен [46, с. 84, 90, 92, 96].

Ко времени раскопок 1930 г. на скальных основаниях «квадратной выемки» никаких остатков кладки не сохранилось. По описанию Н. И. Репникова, «стены часовни были сложены из некрupных камней на плохом растворе», развал которых, вероятно, обнаружили внутри выемки [35, с. 131]. Там же было много фрагментов черепицы, что позволило сделать вывод о черепичной крыше на деревянных стропилах [цитата из отчета Н. И. Репникова: 24, с. 70]. В отчете Н. И. Репников указал также на разницу в «характере рубки» апсиды и усыпальницы по сравнению с квадратной выемкой [24, с. 70]. Кроме того, отличие заключается и в том, что скальные стены этой выемки расширяются кверху, т.е. имеют наклон наружу, а в апсиде они вырублены прямо или сужаются кверху, т.е. имеют наклон внутрь, что, скорее всего, также может указывать на разновременность этих частей храма (рис. 10).

Мыс изначально имел округлую, покатуую поверхность, поэтому относительно глубокая (от 40 до 70 см) вырубка в скале была необходима для выравнивания пола будущего сооружения. Сохранившиеся ступенеобразные выступы – «постели» на поверхности скалы учитывают конфигурацию всех частей храма, включая апсиду и усыпальницу. Следовательно, они вырублены при строительстве храма и усыпальницы на месте «постелей» башни, которые, вероятно, были изменены или уничтожены. Ширина «постелей» храма относительно невелика – около 30–40 см, это значит, что они служили основанием только для внутреннего панциря. Внешняя часть кладки проходила вдоль выступов по скале.

К периоду строительства храма относятся также вертикальные пазы для установки алтарной преграды, расположенные симметрично в нижней части восточной и западной (боковых) скальных стен. Упоминание о них есть и в отчете Н. И. Репникова [цитата из отчета: 24, с. 70].

Важно отметить еще одну деталь, вероятно, связанную с храмом и до сих пор не отмеченную исследователями. В «постели» западной стены в северной части, вблизи апсиды сделана вырубка, практически нивелирующая выступ «постели», но сохранившая невысокий и неровный узкий выступ-гребень с наружной стороны (рис. 9,2). Поскольку эта вырубка находится в зоне алтарной части, отделенной от наоса алтарной преградой, можно предполагать, что она являлась нишей протесиса. Стеной ей служила кладка внешнего панциря западной стены.

Примерно в середине апсиды (близко к полукружью) находился «квадратный каменный престол из целого камня» [24, с. 70], не сохранившийся до наших дней. Судя по фотографии времени раскопок, высота подпрестольного столба, у которого уже тогда был «верх обломлен», составляла около 60 см (рис. 10,1). Пол в апсиде ниже пола в наосе примерно на 8 см [24, с. 75].

Как уже было отмечено, вместе со строительством храма в южной скальной стене устроили «усыпальницу № 84» с нишей-лежанкой вдоль задней стены (рис. 9,1; 10,2). Усыпальница углублена в пол и расширяется книзу. Часть ее скального потолка, которая была еще во время раскопок, сейчас полностью утрачена. Среди перерытых костей в 1930 г. нашли «медную пуговку полуую внутри с продольным прорезом...» [цитата из отчета: 24, с. 70]. Бронзовые пуговицы известны в комплексах могильника на склоне Эски-Кермена вместе с браслетами из синего стекла, которые появляются в Крыму с рубежа IX–X вв. [6, с. 426].

Археологические материалы, относящиеся ко времени сооружения храма, не сохранились. Скорее всего, он появился после разрушения (разборки) существовавшей на этом месте ранневизантийской сторожевой (дозорной) башни. По предположению Н. И. Репникова, храм погиб от пожара, поскольку в заполнявшей его земле находились угли [цитата из отчета: 24, с. 70]. В слое разрушения обнаружены также фрагменты поливной керамики, в числе которых «низкая тонкостенная глиняная чашечка, облицованная изнутри и снаружи желтовато-зеленой поливой, по краю и дну процарапанный узор дает под глазурью темно-коричневый тон» [24, с. 70]. Предположительно она может быть датирована временем не ранее XII–XIII в.¹⁴

¹⁴ Благодарю А. В. Смокотину и Л.А. Голофаст за научную консультацию по датировке данного сосуда.

О размерах башни и храма можно судить по скальным вырубкам. Длина углубления, ставшего наосом, по западной стене – 2,7 м на уровне пола и 2,85 м на уровне верхнего края. Ширина по северной стене – 2,9 м от середины высоты скальных стен и, по данным Н. В. Днепровского, – 3,35 м «по подрубкам алтарной преграды» [24, с. 74]. Размеры апсиды: ширина по северной стене – 1,42 м, глубина – примерно 1,12 м. Высота скальных стен в наосе: южной – 0,38 м, восточной – 0,62 м, западной – от 0,56 до 0,72 м (в центральной части), северной – 0,5 м около западной стены апсиды и 0,54 м около восточной стены апсиды. Размеры усыпальницы: 1,9 м по линии «восток-запад» и 1,72 м по линии «север-юг». По данным Н. В. Днепровского, глубина усыпальницы от пола наоса – 0,85 м [24, с. 74].

VII. На западном склоне плато, к югу от храма на западном мысе X (VI), вблизи исследованного в 1929 г. участка оборонительной стены, в **1936 г.** экспедицией ГАИМК, возглавляемой Н. И. Репниковым, открыты остатки еще одного **малого храма** [38, л. 4–6] (рис. 1, VII; 11; 12). Е. В. Веймарн, непосредственно руководивший работами, предполагал присутствие на этом месте церкви уже в 1933 г., после проведенных им же разведок к востоку от западной оборонительной стены [26, с. 422–424]. Отправными точками тех работ стали усыпальница (№ 143) и так называемая «келейка», учтенные сотрудниками Севастопольского музея краеведения, в числе которых был и Е. В. Веймарн, еще в 1920-х гг., как пещеры № 50 и № 51 соответственно [26, с. 423] (рис. 11, Б, В). В траншеях, заложенных в 1933 г. к югу от усыпальницы и к востоку, а затем к северу от «келейки», а также при зачистке этой усыпальницы и двух пещер, обнаруженных в обресе скалы под ней, нашли фрагменты архитектурных деталей, в том числе с изображениями крестов, а также большое количество обломков штукатурки с росписью и кровельной черепицы. Открытые пещеры Е. В. Веймарн назвал «небольшим ритуальным комплексом», вблизи которого, по его мнению, должна находиться «церковь или часовня с остатками росписей» [26, с. 424]. Тогда же был обнажен «большой тесанный камень, лежащий в вырубке в скале», который впоследствии оказался частью северной стены храма, открытого уже в 1936 г.

Результаты исследований 1933 и 1936 гг. сравнительно детально задокументированы. Однако полевые и отчетные материалы руководителями раскопок практически не были опубликованы. Очень краткое упоминание об открытой «небольшой часовне» «с фресковой росписью XII–XIII вв.» и уцелевшим престолом содержится в публикации Н. И. Репникова о результатах раскопок 1936 г. [39, с. 280]. Значительная часть архивных материалов, включая графическую фиксацию и фотографии, введена в научный оборот в статье Н. В. Днепровского, специально посвященной данному культовому комплексу [26], а также в статье А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой о квартальных храмах Эски-Кермена [8, с. 312–315].

Храм был построен на восточном краю большой скальной вырубке-площадки на расстоянии 13 м от оборонительной стены, согласно измерениям Н. В. Днепровского [26, с. 432]. На этом месте ему предшествовал вырубленный в скале «глубокий и широкий желоб», тщательно забитый отеском. Он пересекал пол в западной части храма от южной стены до усыпальницы № 143, находившейся в обресе скалы с севера от храма [38, л. 6] (рис. 11, Б).

Храм состоял из наоса и одной полукруглой апсиды (рис. 11,1). Согласно измерениям, проведенным Н. В. Днепровским, ширина наоса храма равна около 2,4 м [26, с. 426]. Поскольку западная стена не сохранилась, длина наоса и храма определяется приблизительно с учетом края скального уступа, на котором, скорее всего, находилась западная стена. Расстояние от восточной стены апсиды до этого уступа – 5 м [26, с. 426]. Если вычесть толщину западной стены (примерно 0,6 м), внутренняя длина храма могла быть около 4,4 м. Внешняя длина храма с учетом предполагаемой толщины стен – примерно 5,6 м. Глубина (длина) апсиды равна 1,54 м, максимальная ширина – 1,53 м [26, с. 424].

Стены храма были сооружены на вырубленных в скале «постелях» и состояли из «тесанных камней» внутреннего и внешнего панциря и забутовки между ними из мелких камней на глине. На момент раскопок северная стена сохранилась на высоту до 0,6 м [38, л. 5] (рис. 12,1). Вдоль нее располагалась высеченная в скале скамья шириной 0,21 м и высотой 0,3 м, сохранившаяся в длину на 1,05 м, согласно измерениям Н. В. Днепровского [26, с. 426]. Кладка северной стены завершалась в западной части «двумя, лежащими один на другом хорошо отесанными камнями», которые были видны до раскопок и описаны Е. В. Веймарном как «один из углов сооружения», т.е. храма [26, с. 424] (рис. 11). Скорее всего, это был угол дверного проема, находившегося в западной части северной стены. Судя по остаткам южной стены, не сохранившаяся кладка западной стены, скорее всего, находилась на самом краю достаточно высокого скального уступа и, следовательно, в ней не могло быть входа в храм (рис. 11,2).

Основание кладки апсиды вырублено в скале на высоту примерно 0,8–0,9 м (рис. 12,2). Наружный панцирь состоял из хорошо тесанных закругленных камней (рис. 12,1). Внутри апсиды, вдоль полукружия на высоте 0,48 м в скале сделан выступ наподобие скамьи в форме полумесяца с максимальной шириной 0,34 см¹⁵, который в отчете 1936 г. назван «небольшим заплечиком» [38, л. 5]. Е. В. Веймарн считал его синтроном, скамьей для священника. Непосредственно перед ним находится подпрестольный столб, на котором во время раскопок еще находилась алтарная («престольная») плита [38, л. 5]. Согласно реконструкции алтарной части, созданной Н. В. Днепровским по сохранившимся рисункам Е. В. Веймарна, алтарная плита частично нависала над скамьей, оставляя зазор между ними примерно в 3–4 см. Как справедливо отмечает автор реконструкции, такое положение плиты и скамьи исключает возможность считать последнюю синтроном, поскольку сидеть на ней было невозможно [26, с. 425, 447, рис. 16].

Подпрестольный столб, четырехугольной формы со срезанными гранями, зауженный в середине, был вставлен в вырубку в полу [38, л. 5]. На лицевой хорошо заглаженной поверхности алтарной плиты, примерно по центральной оси, ближе к восточному краю сделано «миниатюрное квадратное углубление для хранения мощей», а в центре был вырезан «круг с крестом и греческими буквами на его концах» [38, л. 5; 8, с. 315, рис. 3,1].

Убранству храма принадлежали несколько тесанных арочных камней от алтарной преграды, украшенных двумя резными зигзагообразными параллельными

¹⁵ По данным Н. В. Днепровского [26, с. 424].

линиями [38, л. 5–6]. Стены покрывала штукатурка с фресковой росписью, большое количество фрагментов которой находилось в слое разрушения как в самом храме, так и на окружающей территории. На некоторых обломках сохранились остатки фигур на синем фоне и надписи имен, сделанные белым цветом, а также, вероятно, части орнаментальной панели – «полотенца». По оценке Н. И. Репникова, эта роспись исполнена в XII–XIII вв. и стилистически близка росписям в эски-керменских храмах «Трех всадников» и «Успения» [38, л. 6]. В 1933 г. в одной из траншей вблизи западной стены еще не открытого храма находили фрагменты с красной, коричневой, темно-серой, желтой и почти черной красками [26, с. 423].

Полом в храме была скала, поверхность которой выравнивала «известковая смазка» [38, л. 5]. Непосредственно на этом полу лежала прослойка золы и угля, а также большое количество фрагментов кровельной черепицы, принадлежавших до разрушения черепичной крыше на деревянных стропилах [38, л. 5]. Храм погиб в пожаре, скорее всего, одновременно с гибелью города в конце XIII в. Датированные археологические материалы, относящиеся ко времени сооружения храма, не зафиксированы. Остается неизвестным, принадлежит ли фресковая роспись, датированная Н. И. Репниковым XII–XIII вв., к первоначальному этапу, или она стала украшением храма спустя какое-то время после строительства. Известно только, что храму на этом месте предшествовал уже упомянутый пересекающий его желоб от первого строительного периода.

Как уже отмечалось, вблизи храма находится несколько пещер¹⁶ (рис. 11). К северу от него расположен вход в усыпальницу № 143 (пещера № 50) с тремя скамьями-лежанками вдоль трех стен, южная из которых находится под основанием северной стены храмы. Н. В. Днепровский предполагает, что данная усыпальница предназначалась для семейного погребения [26, с. 428]. В обресе скалы под усыпальницей есть еще две пещеры (№ 48 и № 49) хозяйственного назначения [26, с. 428, 432–433]. К западу от храма, справа от вырубленной прямоугольной площадки перед ним находится пещера № 51 – «келейка», в которой есть как элементы культового характера, а именно три ниши в северо-восточном углу и высеченный между ними крест (0,16x0,16 м), так и хозяйственные приспособления, такие как ясли, кольца для привязывания скота, вырубки-гнезда в скале для установки сосудов [38, л. 6–7; 26, с. 428–430]. Н. В. Днепровский допускает, что данные пещеры функционировали одновременно с храмом как единое целое, и весь этот комплекс, совмещающий культовые и хозяйственные функции, был монастырским [26, с. 430–433]. Тем не менее, сам автор указывает на недостаточную изученность данного комплекса, а также окружающей его территории. Остается не известным, как эти сооружения, включая храм, вписаны в городскую застройку. Поэтому вопрос о назначении храма у западных стен и его месте в ряду окружающих объектов может быть прояснен после дополнительных исследований в этом районе.

VIII. В 1936 г. экспедицией ГАИМК под руководством Н. И. Репникова открыты остатки еще одного **малого храма-часовни в восточной части плато**, к востоку от главной базилики [39, с. 280; 38, л. 18–21; 18, с. 69; 8, с. 315–317] (рис. 1, VIII; 13, I, 2).

¹⁶ Описания и размеры этих пещер приведены в статье В. Н. Днепровского [26, с. 427–433].

На данном участке были раскопаны два квартала, разделенных продольной улицей. Храм находился в квартале к востоку от этой улицы. Слева (к северу) от храма была жилая усадьба III, состоявшая из двух помещений и маленького двора между ними, справа (к югу) – винодельческий комплекс, помещение которого имело общую стену с храмом, а его восточная стена была пристроена впритык к юго-восточному углу храма [18, рис. 1, 2].

Храм представлял собой вытянутое с запада на восток четырехугольное помещение, стены которого стояли на вырубленных в скале основаниях – «постелях» высотой до 0,8 м (рис. 13,1,2). На момент раскопок уцелели только фрагменты бутовой кладки на глине высотой до 0,5 м. Предполагается, что эта кладка была облицована тесанными («штучными») камнями, которые сохранились в два ряда на западном фасаде, по сторонам входа. Толщина стен достигала 0,8 м. Внутренние размеры помещения-наоса – 3,0x5,0 м [38, л. 18]. Е. В. Веймарн указал его общую площадь по внешнему периметру, с учетом толщины стен – 25 м² [18, с. 73].

Поскольку в этом сооружении следов апсиды не обнаружили, а внутри него находились 5 высеченных в скале гробниц, Н. И. Репников в отчете назвал его «мавзолеем» [38, л. 18]. Но уже в своей краткой публикации о раскопках 1936 г. он пишет о нем как о «часовенке над усыпальницей» [39, с. 280]. Е. В. Веймарн описал эту «часовню» как «церковно-погребальный комплекс» [18, с. 73–74]. Исключая возможность сосуществования часовни с усадьбой III и винодельческим комплексом, он сделал вывод о том, что усадьба и винодельня появились, когда «часовня была уже в руинах» [18, с. 74]. А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова пришли к более аргументированному и очевидному заключению о том, что для сооружения храма перепланировали усадьбу III [8, с. 315]. Таким образом, храм и гробницы в нем относятся к последнему периоду существования квартала, когда одно из помещений перестроили в храм-часовню и в его полу высекали 5 гробниц-костниц (№№ 175–179). Раскопками в них обнаружено большое количество костей¹⁷ [38, л. 19–21]. Еще одна небольшая детская могила (№ 174), согласно отчету 1936 г., была высечена в пороге входа, вырубленном в скале [38, л. 18]. На плане она находится перед западной стеной храма, между несохранившимися кладками (рис. 13,1). Можно предположить, что вход в храм был оформлен в виде небольшого притвора. Как пишет Н. И. Репников, впоследствии вход был заложен «нетолстой бутовой стенкой», в которой обнаружили камень, орнаментированный врезным кругом с вписанным в него крестом [38, л. 18].

Как уже отмечалось, никаких следов апсиды в этом храме-часовне не зафиксировано. Судя по плану, примерно в 1 м к востоку от восточной стены начиналась лестница – вход в пещеру (№ 101) (рис. 13,1,2¹⁸). Места для апсиды оставалось не много, следовательно, если она и была, то очень небольшого размера [8, с. 316–317, рис. 4]. Не исключено, что апсида могла быть в виде небольшой ниши, устроенной в восточной стене. Свидетельством того, что в этом сооружении всё же был алтарь, может служить находка возле его западного фасада – «четырёхгранная подножка престольной доски», аналогичная подпрестольному столбу, сохранившемуся *in situ*

¹⁷ В отдельных гробницах насчитывалось от 12 до 68 черепов [38, л. 19–21].

¹⁸ Благодарю А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединову за предоставленный аэрофотоснимок (фрагмент: рис. 13,2).

в храме у западной оборонительной стены (VII) [38, л. 21]. Найденные внутри храма среди развала камней немногочисленные мелкие фрагменты штукатурки со следами фресковой росписи указывают на то, что какую-то часть храма украшала настенная роспись.

Вероятно, к завершающему этапу существования храма и всего квартала относится найденная на скале у северо-западного угла монета с монограммой «ро» (№ 36 по А. В. Орешникову) [38, л. 21], которую относят к выпускам монетного двора Херсона в 1200–1260 гг. [10, с. 189–190; 8, с. 317].

IX. Остатки малого храма-часовни находятся у северо-восточного угла центральной базилики Эски-Кермена (рис. 1, IX). Судя по фотографии и плану 1930 г., внешняя часть кладки южной стены и апсиды была зачищена во время раскопок Ф. И. Шмита [44, с. 217, рис. 56]. Полностью храм открыт в 1979 г. под руководством Е. А. Паршиной в ходе исследований территории за северной стеной базилики (рис. 13,3,4) [31, л. 5–9; 33, с. 37–47].

Храм состоял из наоса и полукруглой апсиды. Его внешние размеры: 3,7х5,7 м, радиус апсиды – 1,2 м [31, л. 5; 33, с. 38]. Юго-западный угол храма вплотную примыкает к северному плечу и северной апсиде базилики. Стены, основанные на скале, состояли из двух панцирей и тонкого слоя забутовки. В кладке были в основном бутовые камни среднего размера, в углах – сравнительно небольшие тесанные камни [31, л. 6]. Поскольку известковый раствор в кладке не обнаружен, скорее всего, она была сложена на грязевом (земляном) растворе, без обязательного соблюдения рядов. На момент раскопок 1979 г. высота сохранившихся стен составляла от 0,35 до 1,3 м, а толщина – 0,6–0,7 м [33, с. 38]. Внутри стены были оштукатурены. В одном из углов фрагменты штукатурки сохранились *in situ*¹⁹. Главным образом в апсиде обнаружены фрагменты штукатурки с остатками росписи черной, красной, желтой и синей красками, а также граффити [31, л. 5–6; 33, с. 39]. Е. А. Паршина предполагает, что плотно утрамбованный земляной пол был выслан плинфой, так как около апсиды сохранилось несколько фрагментов *in situ*. Многочисленные обломки плинфы, а также черепицы и керамической посуды найдены в слое разрушения [33, с. 39]. Храм имел деревянную стропильную крышу, перекрытую черепицей. Судя по фотографиям 1979 г., в апсиде храма, близко к полукружию, вероятно, на слое грунта находился обломок подпрестольного столба (рис. 13,4). Вход в храм был в северной части западной стены.

В 1979–1981 гг. за северной стеной базилики открыты 6 гробниц, 7 могил и 3 склепа [31, л. 9–14; 32, л. 3–11; 33, с. 39, 44–48]. Один из склепов (№ 6) оказался под северной стеной малого храма, при строительстве которого этот склеп был засыпан камнями и битой керамикой (рис. 13,3) [31, л. 14]. В этом завале находились архитектурные детали, явно происходящие из уже разрушенной базилики, в частности, арочные дугообразные блоки, а также обломки штукатурки с росписью [32, л. 3]. Среди многочисленных обломков строительной керамики в склепе обнаружены также фрагменты поливной посуды [32, л. 5]. В их числе «белоглиняные тарелки и кувшинчики рыхлого, пористого черепка, под кроющей ярко-зеленой или желтой поливой», которые, скорее всего, принадлежат группе монохромной белоглиняной

¹⁹ В отчете указан «юго-западный угол», в статье – «юго-восточный» [31, л. 5; 33, с. 38].

посуды²⁰, хорошо известной в комплексах поливной керамики XIII в. в Херсонесе [22, с. 212]. В склепе № 6 были также фрагменты «красноглиняных тарелок, украшенные врезным орнаментом по белому ангобу под кроющей желтой поливой», которые относятся к группе Зевксипп и датируются с конца XII до третьей четверти XIII в. включительно, а иногда в рамках середины XIII – XIV в. [21, с. 363–367]. Фрагменты аналогичных поливных сосудов обнаружены также в заполнении подвала 5 в квартале 1 Эски-Кермена, гибель которого относится к концу XIII в. [27, с. 315, 318].

Одновременными часовне Е. А. Паршина считает грунтовые могилы, называя их самым поздним типом погребений на этом участке. Две из них, с детскими безынвентарными захоронениями (№ 11 и № 12), открыты под земляным полом в западной части храма [33, с. 39, 47]. В детской могиле № 2 за северной апсидой базилики, около южной стены храма-часовни, обнаружена «красноглиняная поливная тарелка с отбитыми краями, под кроющей светло-желтой поливой по белому ангобу, украшенная врезным орнаментом, представляющим заштрихованные параллельными линиями овалы, расположенные в виде сегнерава колеса» [31, л. 10; 33, с. 47]. Посуду этой группы относят к изделиям мастерских Константинополя и/или Фессалоник и датируют концом XIII – XIV в. [47, р. 81].

Таким образом, малый храм у северо-восточного угла базилики построили, скорее всего, не ранее XIV в., уже после разрушения базилики и города в результате набега Ногая в 1298–1299 гг. [3, с. 249–250; 5, с. 506]. Это был кладбищенский храм, одно из самых поздних культовых сооружений на городище. В последние годы к западу от базилики открыта большая часть некрополя первой половины XIV в. [9, с. 26–27; 42, с. 31–45], одновременного этому храму и грунтовым могилам вблизи него. Археологический материал из открытых погребений, как правило, не выходит за рамки XIV в., что, вероятно, определяет верхнюю хронологическую границу существования рассматриваемого храма.

С 2003 г. по настоящее время раскопками под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой, исследованы два жилых квартала на главной улице средневекового города, в каждом из которых находился храм.

Х. В юго-восточном углу **квартала 1 в 2007 г.** раскопан небольшой **храм-часовня над костницей** (рис. 1, X; 14, I, 2). Результаты этих исследований детально опубликованы руководителями раскопок [6; 4]. Храм принадлежит последнему периоду существования квартала. Его построили на месте раннего двора усадьбы II, при этом подтесали и засыпали часть тарапана, две хозяйственные ямы, одна (№ 4) из которых оказалась под западной стеной часовни, а другая (№ 3) – возле ее северо-западного угла, также был перекрыт более ранний водосток [4, с. 278–279, 288, рис. 3]. Анализ гончарной керамики из хозяйственных ям, проведенный Л. А. Голофаст, позволяет датировать их засыпь, а, следовательно, и строительство храма-часовни временем не ранее середины X – XI в. [27, с. 308–311, 328].

²⁰ Выражаю искреннюю благодарность Л. А. Голофаст за научную консультацию и помощь в определении типов поливной керамики из раскопок Е. А. Паршиной.

Храм состоял из небольшого прямоугольного наоса и апсиды, кладка которой обрушилась вместе со сводом находившейся под ней глубокой костницы (рис. 14,1). Стены, построенные на скальных основаниях, были двухпанцирными из подтесанных камней среднего и крупного размера, положенных с соблюдением порядковки на грязевом растворе с внутренней забутовкой из мелкого камня, керамических обломков и грунта [6, с. 422]. На момент раскопок сохранились нижние ряды северной стены и большей части западной стены, в которой находился дверной проем, шириной 0,9 м, сложенный из крупных хорошо отесанных каменных блоков. Пол в храме был углублен на 0,2 м от первоначального уровня скалы и тщательно выровнен [6, с. 422–423]. Стены оштукатурены, но следов росписи не обнаружено. Убранству храма принадлежали обнаруженные в слое разрушения известняковый блок с высеченным орнаментом из пересекающихся линий и фрагмент, вероятно, оконного наличника с профильным валиком, на котором сохранился обрывок греческой надписи-граффити «Господи, помоги монах...» [6, с. 428; 8, с. 317].

В западной части храма, около продольных стен в полу вырублены две могилы (1 и 2), в первой из них зафиксированы смещенные останки 13 погребенных, во второй – трех взрослых, похороненных один над другим. Захоронение ребенка было совершено также в расположенной между могилами, перед дверным проемом пифосообразной яме (№ 1), относящейся к первому периоду существования усадьбы II [6, с. 423–425]. На дне находившейся под апсидой большой костницы (глубина около 2,3 м) обнаружили слой костных останков примерно от 120 человек [6, с. 425]. Над этим слоем был завал камней, в том числе хорошо отесанные каменные блоки из кладки апсиды, а также высеченный из известняка крест, который мог принадлежать интерьеру храма [6, с. 425, рис. 6,3; 18,1].

С учетом сохранившихся кладок и скальных оснований установлены внутренние размеры наоса – 3,45х4,0 м [8, с. 317]. Согласно предложенной авторами реконструкции целого плана храма, его внешняя ширина составляла примерно 4,6–4,8 м, а длина с учетом апсиды и толщины стен могла быть 5,1 м [6, с. 435, рис. 3].

Согласно датировке авторов раскопок на основании археологического материала из слоя разрушения, храм погиб в пожаре одновременно с кварталом и всем городом в конце XIII в. [6, с. 429].

XI. В 2018–2019 гг. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в соседнем **квартале 2** открыты остатки **храма с притвором** (рис. 1, XI; 14,3,4). Предварительные материалы этих исследований введены в научный оборот в докладах и публикациях руководителей раскопок [8, с. 319–322; 7, с. 21–30]. Этот храм построен на месте более ранней усадьбы, по датировке авторов, на рубеже X–XI вв. [8, с. 319]. Западная стена притвора выходит на главную улицу города, вдоль южной стены храма и притвора идет вторая поперечная улица, разделяющая кварталы 1 и 2.

Храм состоит из прямоугольного наоса, полукруглой апсиды и пристроенного к наосу вытянутого притвора (рис. 14,3). Внутренние размеры сооружения: ширина – 3,12 м, длина наоса (до алтарной преграды) – 3,3 м, длина притвора – 6,3 м, длина храма с апсидой и притвором – 11,5 м; наружные размеры: ширина – 4,6 м, общая длина – 12,8 м [8, с. 319]. Кладка стен – из двух панцирей с забутовкой между ними из мелких камней, обломков керамики и глины. Внешние панцири стен наоса сложены из гладко отесанных прямоугольных плит, внутренние – из тесанных блоков

меньшего размера. Стены сохранились на высоту до 0,86 м. Пол в наосе от алтарной преграды до границы с притвором был вымощен гладко отшлифованными плитами. Как отмечают авторы раскопок, притвор пристроен к наосу и заметно отличается от него. Стены притвора сложены в основном из бутовых камней, а пол был глиняным [8, с. 319]. Внутри притвора открыто 10 погребальных сооружений. Из них относительно ранние – вырубленные в скальном полу 4 могилы и 3 костницы, позже их покрыли толстым слоем глины, а к стенам притвора пристроили плитовые гробницы. Погребальные сооружения находились также снаружи храма [8, с. 322].

В ходе раскопок обнаружены архитектурные детали внутреннего убранства и литургических устройств храма, в числе которых фрагменты частей алтарной преграды и овального в сечении подпрестольного столба [8, с. 321, рис. 7]. В слое разрушения найдены также многочисленные фрагменты штукатурки с фресковой росписью, в том числе с элементами растительного орнамента и частью лика [7, с. 22–26]. Погиб храм в пожаре конца XIII в. [8, с. 324].

Таким образом, на городище Эски-Кермен открыты и введены в научный оборот остатки 10 наземных храмов²¹, небольшие размеры которых позволяют называть их малыми храмами города. Судя по имеющимся данным, снаружи их ширина была в пределах 3,7–4,8 м, длина – 5,0–6,4 м. Все они – однотипные сооружения с одним нефом-наосом и полукруглой апсидой. Только в восточном храме 1936 г. (VIII), перестроенном из жилого помещения, следы апсиды не обнаружены, хотя она могла быть, но очень небольшого размера, или в виде устроенной в восточной стене ниши. Притвор, вероятно, более поздний, был лишь в храме 2018–2019 гг. (XI).

Строительные и конструктивные характеристики храмов также очень похожи. При их сооружении использовали материковую скалу, в которой, как правило, вырубали основания – «постели» разной высоты. В трех храмах вдоль скального основания северной стены вырублены скамьи (I, IV, VII). В тех храмах, где кладка на момент раскопок сохранилась, она имела два панциря из средних и крупных подтесанных камней и внутреннюю забутовку из мелких камней и битой керамики с использованием глины и/или грунта (земляного раствора). Вход в храм мог быть в западной стене (I, VIII, IX, X, XI) или в западной части северной (V, VII) или южной (IV) стен. В храме на западном мысе (VI) вход в восточной стене был унаследован от ранней башни. Все храмы были перекрыты черепичными крышами на деревянных стропилах. В большинстве из них сохранилось лишь скальное основание пола. В храме 1979 г. около базилики (IX) пол, вероятно, был выслан плинфой [33, с. 39]. В наосе храма 2018–2019 гг. (XI) была вымостка из отшлифованных плит [8, с. 318]. Остатки фресковой росписи сохранились в слоях разрушения четырех храмов (VII, VIII, IX, XI). В храме 1979 г. (IX) была расписана, вероятно, только апсида. В храме 1936 г. у западной оборонительной стены (VII) и в храме 2018–2019 гг. (XI) фигурная и орнаментальная роспись покрывала, скорее всего, значительную часть стен [38, л. 6; 7]. При раскопках некоторых храмов зафиксированы архитектурные детали с

²¹ Назначение полукруглой вырубке перед городскими воротами, называемой «апсидой» несохранившегося «надвратного храма» (в этой статье – III), остается неопределенным. Поэтому включать этот объект в список храмовых сооружений Эски-Кермена пока нет оснований.

врезным, как правило, геометрическим орнаментом, иногда с крестами (*VII, X, XI*) [38, л. 5–6; 6, с. 428; 8, с. 321].

В большинстве малых храмов Эски-Кермена обнаружены остатки престола в виде подпрестольного столба (*I, II, V, VI, VII, IX*). В храме, остатки которого сохранились на скальной глыбе (*II*), этот столб был высечен в материковой скале. В большинстве сооружений столб вставлялся в специально высеченное в скале прямоугольное гнездо. Только в храме 1979 г. (*IX*), судя по фотографии, столб найден на слое грунта. В западном храме 1936 г. (*VII*) в момент раскопок на столбе сохранилась также плита престола с отверстием для мощей и вырезанным крестом в круге [38, л. 5]. В слое разрушения восточного храма 1936 г. (*VIII*) и храма 2018–2019 гг. (*XI*) обнаружены фрагменты подпрестольных столбов [38, л. 21; 8, с. 321]. В двух храмах – «привратном» (*IV*) и 2007 г. (*X*) – апсиды и место престола не сохранились.

Свидетельства алтарной преграды присутствуют в наосах шести храмов (*I, II, IV, VI, VII, XI*), как правило, в виде подрубок в боковых скальных стенах или в виде сохранившегося каменного основания (стилобата) (*XI*) [8, с. 320, рис. 6,2]. В храме над «башенным казематом» (*V*) алтарь, вероятно, ограничивался апсидой.

В двух храмах – «привратном» (*IV*) [23, с. 154] и на западном мысу (*VI*) – сохранились небольшие ниши в скальных стенах слева от апсиды, которые, вероятно, выполняли функцию протесиса.

Таким образом, большинство, а, возможно, и все малые храмы Эски-Кермена были приспособлены для совершения главного христианского богослужения – Литургии. Почти во всех храмах проводились также погребальные и поминальные обряды, поскольку в комплексе с ними обнаружены разного типа захоронения, в том числе костницы. Исключением является только храм над «башенным казематом» (*V*), вблизи которого погребения не зафиксированы.

Учитывая наличие литургических устройств, рассмотренные храмы не могут называться часовнями, как это было принято ранее. Тем не менее, их небольшие размеры, а также поминальные функции, вероятно, допускают использование термина храмы-часовни.

Очень похожие однотипные храмы хорошо известны в разных регионах византийского мира. Особенно широкое распространение они получают в средне- и поздневизантийский периоды [30, с. 3–16; 11, с. 187–192; 12, с. 197–199; 29, с. 64–116]. Практически в каждом квартале средневекового Херсона/Херсонеса находился один или несколько однефных храмов-часовен [40, с. 160–166]. В настоящее время на 1/3 исследованной территории херсонесского городища известно 48 таких сооружений [41, с. 274].

Появление малых храмов на плато Эски-Кермен, как правило, относят к IX–X вв., когда после восстановления византийской администрации в Горном Крыму активизируется городская жизнь и формируется градостроительный облик средневекового города на плато Эски-Кермен [3, с. 240–241].

Три храма – «привратный» (*IV*), над «башенным казематом» (*V*) и на западном мысу (*VI*) – построены, скорее всего, на месте оборонительных сооружений, уничтоженных после подавления восстания Иоанна Готского [2, с. 217–219].

Четыре храма (*I, II, IV, V*) находились на подъемной дороге и вблизи главных городских ворот. Высказанную Н. В. Днепровским гипотезу об их принадлежности

якобы существовавшему на этой территории «крупному общежительному монастырю» студийского устава [6, с. 162–164], достаточно аргументированно опроверг А. Ю. Виноградов, показав несоответствие данной гипотезы Студийско-Алексеевскому типикону [19, с. 176–177]. К тому же, если учесть, что в период появления этих храмов в городе шло активное строительство кварталов, трудно представить, чтобы подъездные пути и главные ворота находились на территории монастыря, где бы действовали правила, несовместимые с обыденной городской жизнью. Скорее всего, расположенные там храмы принадлежали церковной организации города.

Открытые в рамках городских кварталов храмы – восточный 1936 г. (*VIII*), 2007 г. (*X*) и 2018–2019 гг. (*XI*) – являлись квартальными храмами-часовнями. Для двух последних получены достаточно надежные археологические материалы, позволяющие датировать их сооружение временем не ранее середины X – XI в. [27, с. 328] и рубежом X–XI вв. [8, с. 319].

Самый поздний храм Эски-Кермена (*IX*) построили в XIV в. около разрушенной к тому времени базилики. Это был кладбищенский храм-часовня на территории некрополя, появившегося после гибели города в результате набега орды Ногая.

Вместе с городом в конце XIII в. погибла, вероятно, значительная часть малых храмов. Храмы в районе подъемной дороги (*I*, *II*, *IV*) прекратили функционировать, вероятно, в результате землетрясения в более раннее время. Один из этих храмов (*II*) вместе с участком скалы рухнул в долину. На месте двух других (*I*, *IV*) образовались трещины в скале, которые могли привести к их разрушению.

Малые наземные храмы известны также в ближайшей округе Эски-Кермена. Остатки типичного однефного храма с вырубленными в скале гробницами открыты в 1933 г. вблизи оборонительной башни средневекового укрепления Кыз-Куле на горном мысе, расположенном к северо-западу от Эски-Кермена [13, с. 83–87]. В 1931 г. у подножия плато в одном из трех холмов, в которых надеялись обнаружить водосборные цистерны, открыли основания «квадратной постройки». Н. И. Репников предположил, что это были остатки часовни [34, с. 65].

Учитывая тот факт, что городище Эски-Кермен считается одним из наиболее хорошо сохранившихся и в малой степени раскопанных средневековых памятников Горного Крыма, существует твердая уверенность в том, что в ходе дальнейших исследований на плато и в его округе будут открыты новые храмовые комплексы, которые расширят наши представления о церковной архитектуре и ее месте в топографии средневекового города.

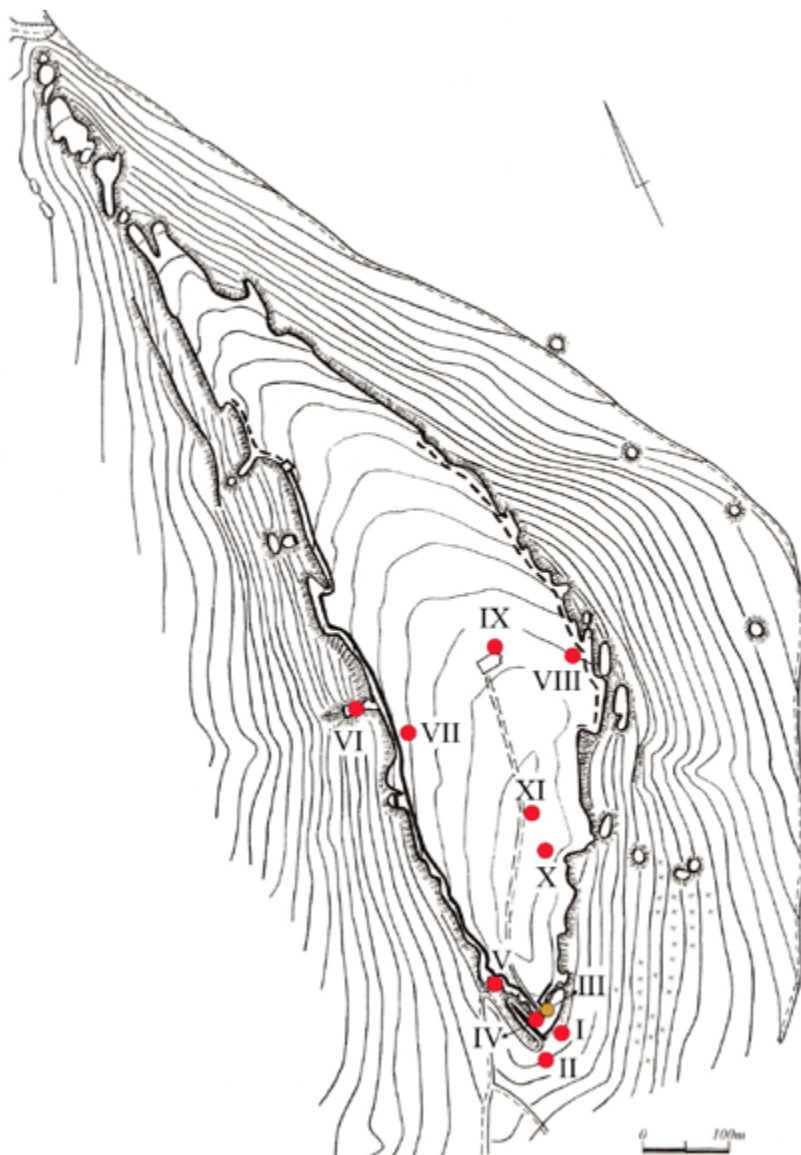

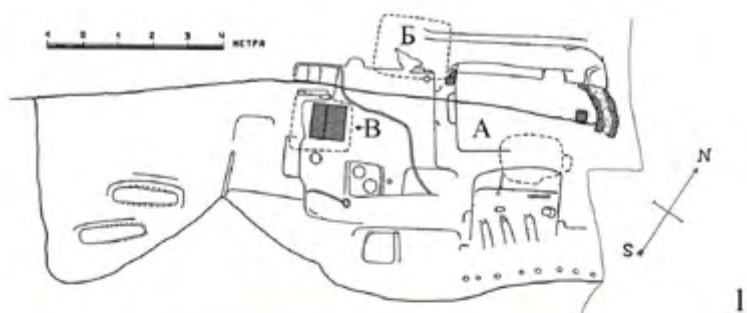
Рис. 1. План городища Эски-Кермен [на основе: 2, с. 228, рис. 1]. Малые храмы: *I* – храм 1928 г., *II* – храм на скальной глыбе, *III* – так называемая «апсида» у городских ворот, *IV* – привратный храм 1929 г., *V* – храм над «башенным казематом» 1930 г., *VI* – храм на западном мысе 1929 г., *VII* – западный храм 1936 г., *VIII* – восточный храм 1936 г., *IX* – храм 1979 г. около базилики, *X* – храм 2007 г. в квартале 1, *XI* – храм 2018–2019 гг. в квартале 2

Fig. 1. Plan of the ancient town of Eski-Kermen [based on: 2, p. 228, fig. 1]. Small churches: *I* – 1928 church, *II* – church at the piece of rock, *III* – the so-called “apse” at the town gate, *IV* – 1929 gate church, *V* – 1930 church above the “tower casemate”, *VI* – 1929 church at the western promontory, *VII* – 1936 western church, *VIII* – 1936 eastern church, *IX* – 1979 church at the basilica, *X* – 2007 church in quarter 1, *XI* – 2018–2019 church in quarter 2

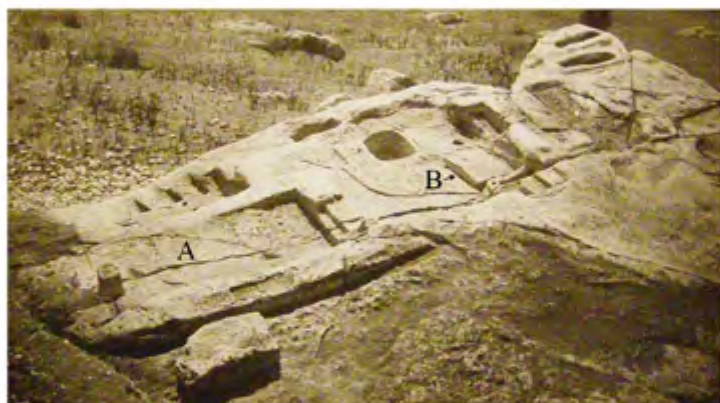

Рис. 2. Юго-восточный край плато Эски-Кермен с остатками храма 1928 г. (I) и храма на скальной глыбе (II): 1 – вид сверху, 2 – вид с юго-востока (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)

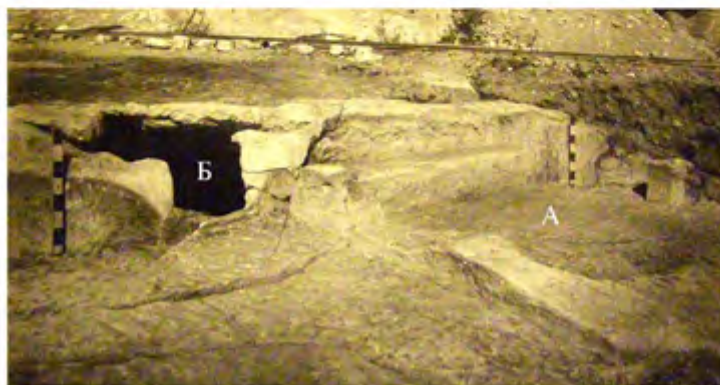
Fig. 2. The south-eastern edge of the plateau of Eski-Kermen with the ruins of 1928 church (I) and the church at the piece of rock (II): 1 – viewed from above, 2 – viewed from the south-east (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

1

2

3

Рис. 3. Комплекс сооружений на площадке юго-восточного края плато Эски-Кермен: 1 – план (выполнен Е. В. Веймарном и В. С. Цукерманом в 1930 г. [на основе: 23, с. 185, рис. 9], 2 – вид с северо-запада [36, с. 189, рис. 47], 3 – вид с юго-востока (фото 1930 г., Фотоотдел НА ИИМК), А – храм 1928 г. (1), Б – усыпальница № 100, В – усыпальница № 99

Fig. 3. The complex of buildings on the platform of the south-eastern edge of the plateau of Eski-Kermen: 1 – ground plan (compiled by E. V. Veimarn and V. S. Tsukerman in 1930) [based on: 23, p. 185, fig. 9], 2 – viewed from the north-west [36, p. 189, fig. 47], 3 – viewed from the south-east (photographed in 1930; Photography Department of the Scholarly Archive of the Institute for the History of Material Culture), А – 1928 church (1), Б – tomb no. 100, В – tomb no. 99

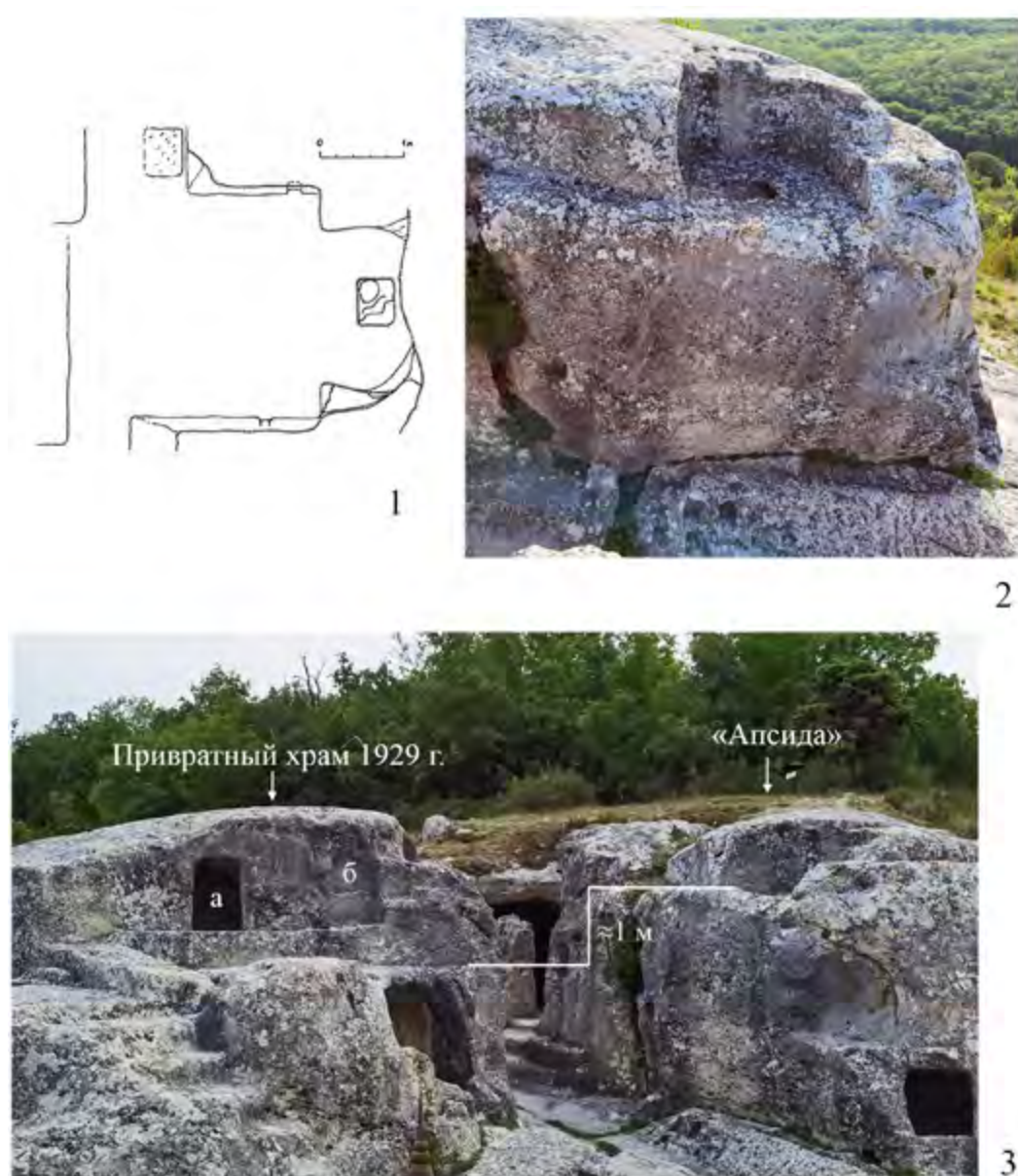

Рис. 4. Сооружения в южной части Эски-Кермена: 1 – план храма на скальной глыбе (II) [23, с. 184, рис. 8], 2 – так называемая «апсида» вблизи главных ворот (III), 3 – сооружения перед главными воротами (фото 2021 г.), а – усыпальница № 68, б – ниша протесиса

Fig. 4. The constructions in the southern area of Eski-Kermen: 1 – ground plan of the church at the piece of rock (II) [23, p. 184, fig. 8], 2 – the so-called “apse” at the main gate (III), 3 – the constructions in front of the main gate (photographed in 2021), а – tomb no. 68, б – prothesis niche

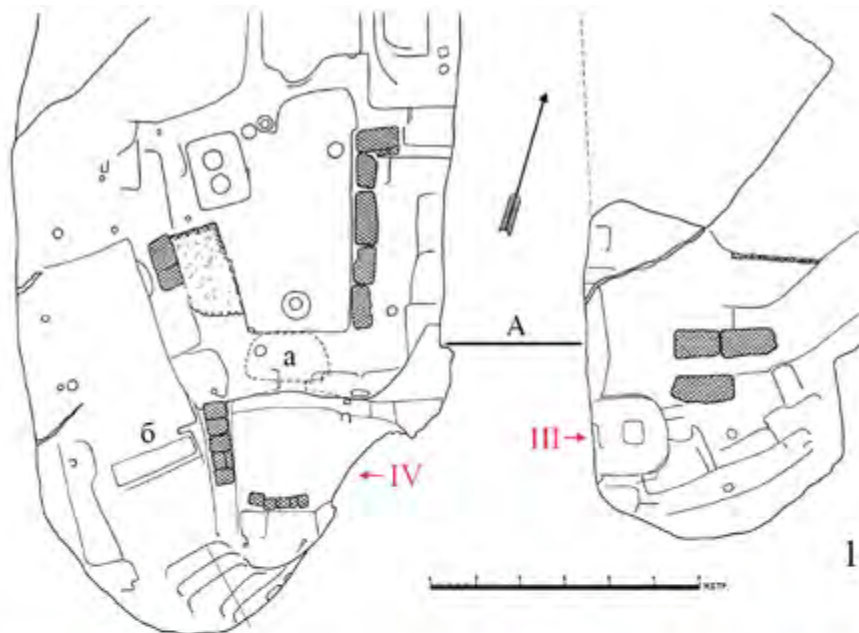

Рис. 5. Участок главных ворот: 1 – план 1929 г. [на основе: 23, с. 180, рис. 2], А – место городских ворот, а – усыпальница № 68, б – могила 69; 2 – вид сверху (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)
Fig. 5. The main gate area: 1 – 1929 plan [based on: 23, p. 180, fig. 2], A – site of the town gate, a – tomb no. 68, б – grave 69; 2 – viewed from above (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

1

2

Рис. 6. Сооружения в южной части Эски-Кермена: 1 – остатки привратного храма 1929 г. (IV), фото 1930-х гг., 2 – южная оконечность плато (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.)

Fig. 6. The constructions in the southern area of Eski-Kermen: 1 – remains of the 1929 gate church (IV), photographed in the 1930s, 2 – the southern edge of the plateau (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021)

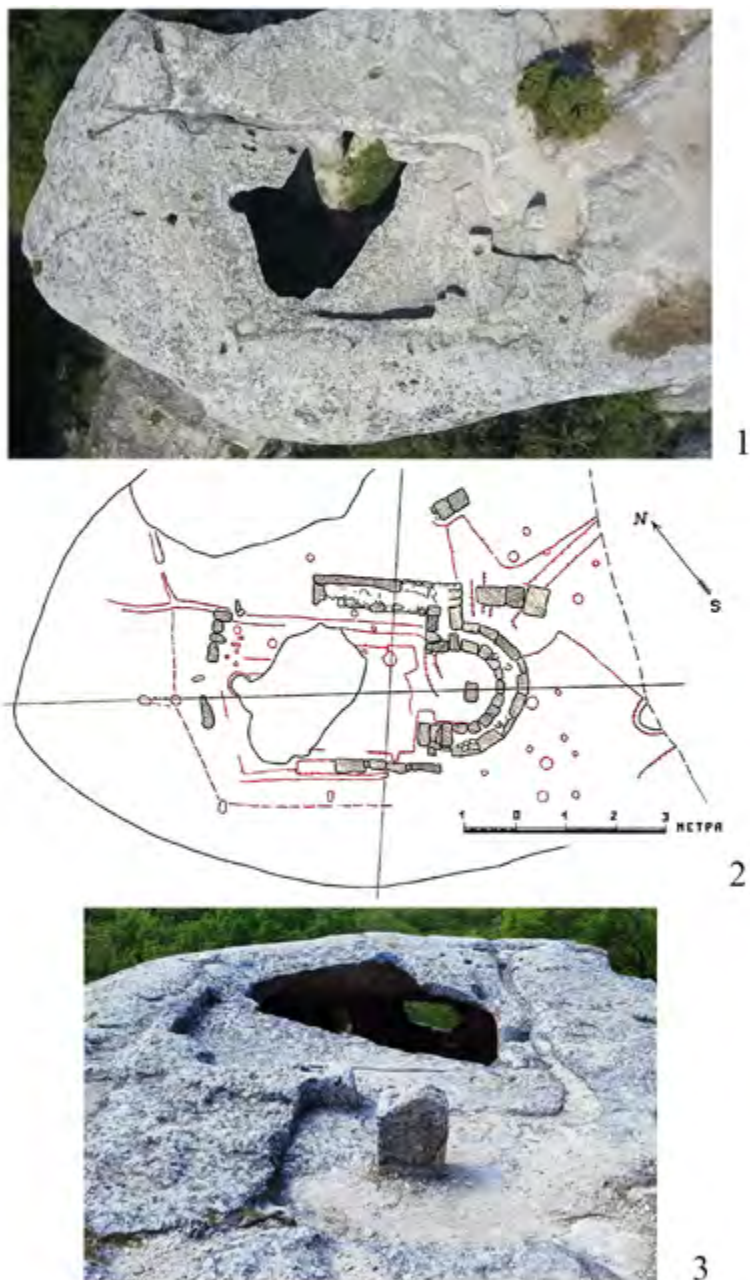

Рис. 7. Храм над «башенным казематом» (V): 1 – вид сверху (аэрофотосъемка А. А. Душенко, 2021 г.), 2 – план [на основе: 23, с. 186, рис. 10; 24, с. 108, рис. 10], 3 – вид с востока (фото 2022 г.)

Fig. 7. The church above the “tower casemate” (V): 1 – viewed from above (aerial photography: A. A. Dushenko, 2021), 2 – ground plan [based on: 23, p. 186, fig. 10; 24, p. 108, fig. 10], 3 – viewed from the east (photographed in 2022)

Рис. 8. Храм над «башенным казематом» (V): 1 – вид с востока, 2 – вид внутри с запада, 3 – вид с севера (фото 1930 г., Фотоотдел НА ИИМК)

Fig. 8. The church above the “tower casemate” (V): 1 – viewed from the east, 2 – viewed from the west, 3 – viewed from the north (photographed in 1930, Photography Department of the Scholarly Archive of the Institute for the History of Material Culture)

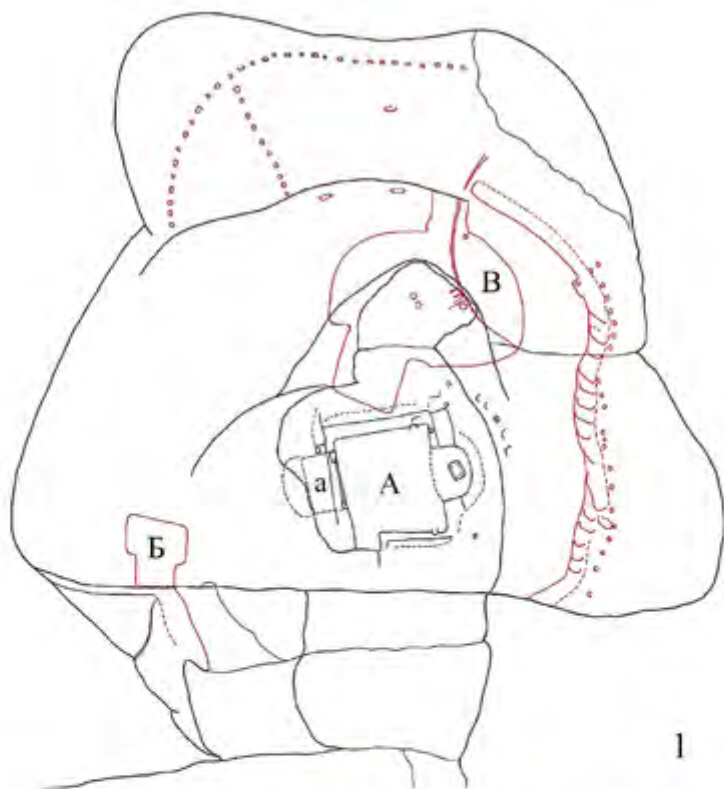

Рис. 9. Комплекс храма на западном мысе (VI): 1 – план 1929 г. [24, с. 85, рис. 10], А – храм, Б – пещера № 37, В – пещера № 38, а – усыпальница № 84, 2 – вид с запада (фото 2022 г.)

Fig. 9. The complex of the church on the western promontory (VI): 1 – 1929 plan [24, p. 85, fig. 10], А – church, Б – cave no. 37, В – cave no. 38, а – tomb no. 84, 2 – viewed from the west (photographed in 2022)

1

2

Рис. 10. Храм на западном мысе (VI): 1 – апсида с подпрестольным столбом [24, с. 84, рис. 9], 2 – вид внутри с юга на север (фото 2022 г.)

Fig. 10. The church on the western promontory (VI): 1 – the apse with the pillar that carried the communion table [24, p. 84, fig. 9], 2 – inside view, from the south to the north (photographed in 2022)

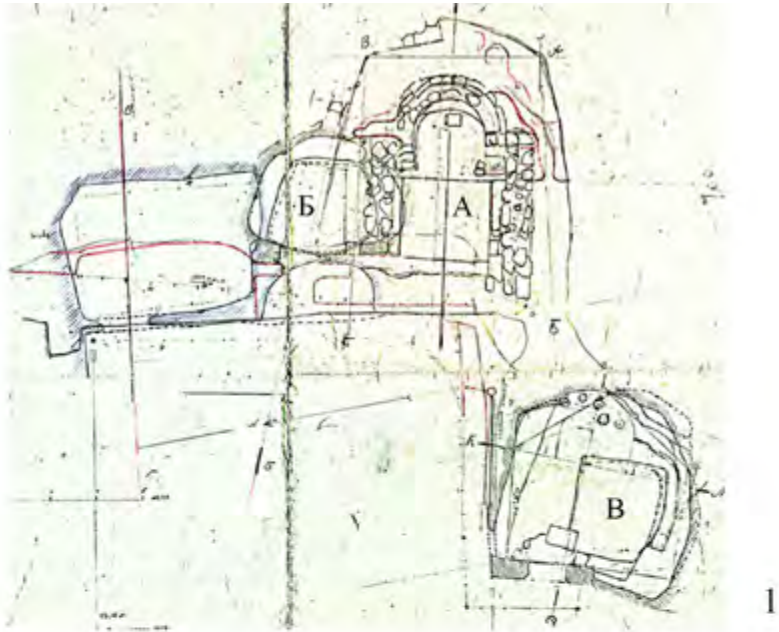

Рис. 11. Комплекс западного храма 1936 г. (VII): 1 – полевой чертеж плана [26, с. 449, рис. 19], 2 – вид с запада, фото 1936 г. [38, л. 44; опубликован: 26, с. 449, рис. 19], А – храм, Б – пещера № 50 (усыпальница № 143), В – пещера № 51 («келейка»)

Fig. 11. The complex of 1936 western church (VII): 1 – field draft of the ground plan [26, p. 449, fig. 19], 2 – viewed from the west, photographed in 1936 [38, p. 44; published: 26, p. 449, fig. 19], А – church, Б – cave no. 50 (tomb no. 143), В – cave no. 51 (“small cell”)

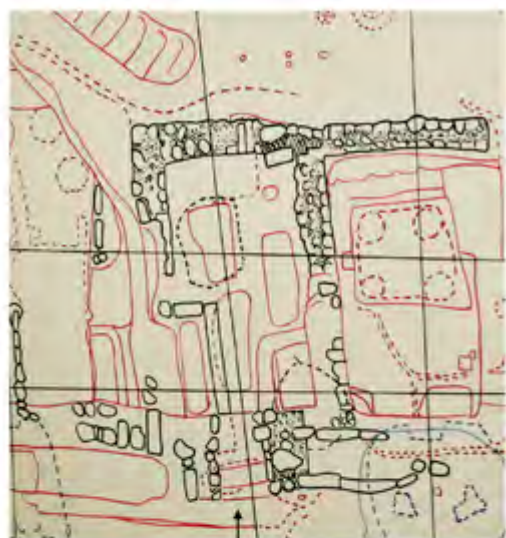
1

2

Рис. 12. Западный храм 1936 г. (VII), фото 1936 г.: 1 – вид с востока, 2 – алтарная часть [38, л. 47, 48; опубликованы: 26, с. 445, рис. 14]

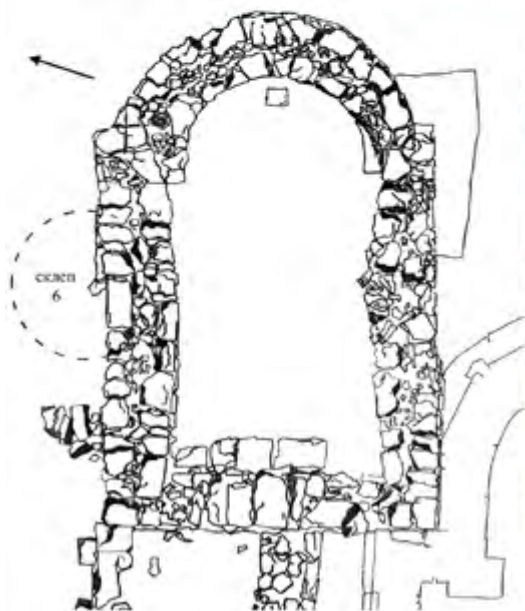
Fig. 12. 1936 western church (VII), photographed in 1936: 1 – viewed from the east, 2 – chancel [38, p. 47, 48; published: 26, p. 445, fig. 14]

Восточный храм 1936 г. 1

Восточный храм 1936 г. 2

3

4

Рис. 13. Восточный храм 1936 г. (VIII): 1 – план [фрагмент из: 38], 2 – вид сверху.
Храм 1979 г. у северо-восточного угла базилики (IX): 3 – план [31, рис. 37], 4 – вид с запада [31, рис. 5]
Fig. 13. 1936 eastern church (VIII): 1 – ground plan [fragment of: 38], 2 – viewed from above.
1979 church at the north-eastern corner of the basilica (IX): 3 – ground plan [31, fig. 37], 4 – viewed from the west [31, fig. 5]

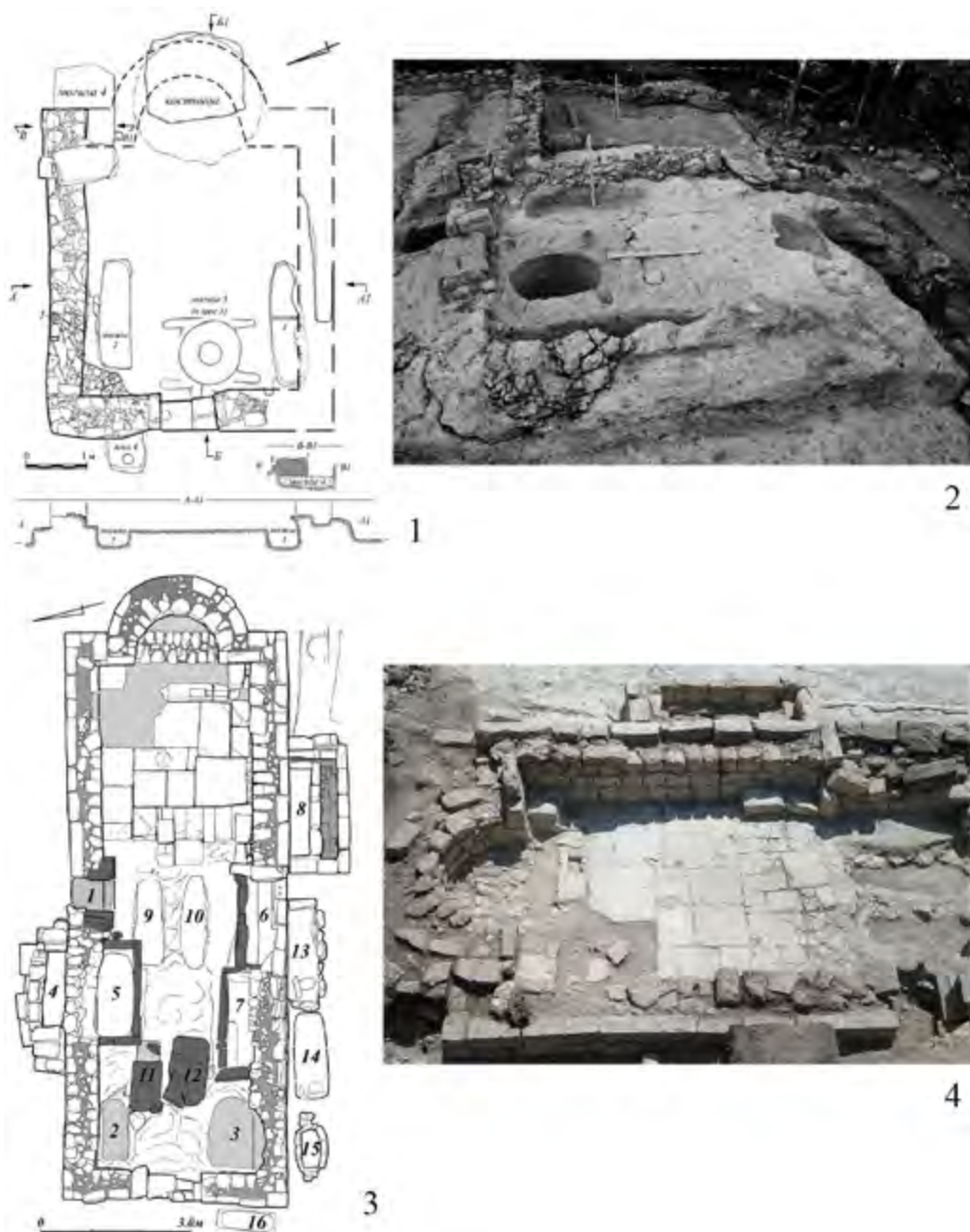

Рис. 14. Храм 2007 г. в квартале 1 (X): 1 – план [6, с. 435, рис. 3], 2 – вид с юга [4, с. 289, рис. 4].

Храм 2018–2019 гг. в квартале 2 (XI): 3 – план [8, с. 318, рис. 5], 4 – вид с севера [8, с. 320, рис. 6,2]

Fig. 14. 2007 church in quarter 1 (X): 1 – ground plan [6, p. 435, fig. 3], 2 – viewed from the south [4, p. 289, fig. 4].
2018–2019 church in quarter 2 (XI): 3 – ground plan [8, p. 318, fig. 5], 4 – viewed from the north [8, p. 320, fig. 6,2]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 43–51.
2. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
3. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
4. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.
5. Айбабин А.И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 493–512.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
7. Айбабин А.И., Иोजица Д.В., Хайрединова Э.А. Стеновая роспись одностолпного храма из квартала 2 на плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 21–30.
8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермена // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326.
9. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Городище Эски-Кермен в XIV веке // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 25–30.
10. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // Херсонесский сборник. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
11. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 г. С. 180–195.
12. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Христианская архитектура Алании. Типология, география, хронология // ТГЭ. 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 г. С. 196–213.
13. Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 81–87.
14. Веймарн Е.В. Схематический план Эски-Керменского городища, составленный в 1936 г. // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8.
15. Веймарн Е.В. Средневековое городище Эски-Кермен. Пещеры западного края // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 9.
16. Веймарн Е.В., Чорев М.Я. «Пещерные города» Крыма // НА БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 80. Папка 4.
17. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–54.
18. Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 69–88.
19. Виноградов А.Ю. Храмик над главными воротами Эски-Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 174–192.
20. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72–80.
21. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. О поливной чаше в контексте огребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.
22. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
23. Днепровский Н.В. Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2011. Вып. 3. С. 148–186.
24. Днепровский Н.В. Дозорно-храмовый комплекс на уступе юго-западного обрыва Эски-

- Керменского плато // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. Вып. XI (IV). Серия А. С. 68–94.
25. Днепровский Н.В. К вопросу о существовании монастыря у южных ворот Эски-Кермена: храмовый комплекс над подъездной дорогой // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. Вып. XI (IV). Серия А. С. 95–118.
 26. Днепровский Н.В. Из археологического наследия Е.В. Веймарна: «ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 417–455.
 27. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
 28. Завадская И.А. Особенности числовых пропорций плана Эски-Керменской базилики // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 143–155.
 29. Иоаннисян О.М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // ТГЭ. 2013. Т. LXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 64–116.
 30. Мавродинов Н. Единокорабнатна и крестовидна църква по Българскитъ земи до края на XIV в. София, 1931. 188 с.
 31. Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Папка № 169. Д. 94.
 32. Паршина Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1980 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Папка № 1083.
 33. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
 34. Репников Н.И. Разведки древнего водопровода в Эски-Кермене в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 11–12. С. 62–65.
 35. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932а. Т. XII. Готский сборник. С. 107–151.
 36. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932б. Т. XII. Готский сборник. С. 181–212.
 37. Репников Н.И. Подъемная дорога Эски-Кермена // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 18–42.
 38. Репников Н.И. Отчет о работах на Эски-Кермене в 1936 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1936. Д. 268.
 39. Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Ред. В.В. Гольмстен. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 277–282.
 40. Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности–2004. Харьков, 2004. С. 160–166.
 41. Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Малые однонефные храмы средневекового Херсона (Херсонеса) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II. Самара, 2020. С. 274–275.
 42. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг.: сб. науч. ст. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2021. С. 26–143. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
 43. Шмит Ф.И. Отчет Эски-Керменской экспедиции // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7. С. 25–29.
 44. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Готский сборник. С. 213–253.
 45. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 15–43.
 46. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
 47. François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris: Musée du Louvre editions, Somogy editions d'Art, 2017. 456 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The Main Stages in the History of the Town Site at Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 43–51.
2. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
3. Aibabin A.I. City on the Plateau of Eski-Kermen in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240–277.
4. Aibabin A.I. The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 277–304.
5. Aibabin A.I. On the Date when the Mongol Tatars Subjugated Gothia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 493–512.
6. Aibabin A.I., Iozhitsa D.V., Khairedinova E.A. Wall Paintings of the Aisleless Church in Quarter 2 at the Plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [13th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 21–30.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval Chapel on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
8. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter Churches of the Mediaeval Town atop Eski-Kermen Plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The Town on the Plateau of Eski-Kermen in the Fourteenth Century. Alekseenko N.A. (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar* [12th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 25–30.
10. Alekseenko N.A. On the question of the activity of the Chersonese mint in the 13th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesus collection], 1996, vol. 7, pp. 187–191.
11. Armarchuk E.A. Christian Church on “Sakharnaya Golovka” Hill near Adler: Layout and Construction Features. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 180–195.
12. Beletsky D.V., Vinogradov A.U. Christian Architecture of Alania. Typology, Geography and Chronology. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2010, vol. 53, pp. 196–213.
13. Bodaninskii U.A. Cherkas-Kermen fortification of Kyz-Kule by reconnaissance in 1933. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 81–87.
14. Veimarn E.V. Schematic plan of the Eski-Kermen settlement, drawn up in 1936. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 8.
15. Veimarn E.V. Medieval settlement Eski-Kermen. Westfall caves. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 9.
16. Veimarn E.V., Choref M.Ia. “Cave cities” of Crimea. *Scientific Archive of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve*, F. 22, Op. 1, D. 80, folder 4.
17. Veimarn E.V. Defensive structures of Eski-Kermen (reconstruction experience). *Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma* [History and archeology of medieval Crimea], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, pp. 7–54.
18. Veimarn E.V. Residential estates of the Eski-Kermen settlement. *Antichnaia drevnost' i srednie veka. Vizantiia i ee provintsii* [Antiquity and the Middle Ages. Byzantium and its provinces], Sverdlovsk, 1982, pp. 69–88.

19. Vinogradov A.Iu. A Small Church over the Main Gate of Eski-Kermen and the Mediaeval Tradition of Gate Churches. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 174–192.
20. Vinogradov A.Iu., Gaidukov N.E., Zheltov M.S. Cave churches of Taurica: The problems of typology and chronology. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archeology], 2005, vol. 1, pp. 72–80.
21. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 182–260.
22. Golofast L.A., Mastykova A.V. On a glazed bowl in the context of funeral rite of the medieval church tomb in Gorzubitai. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 359–395.
23. Dneprovskii N.V. The cult complex at the southern gate of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2011, vol. 3, pp. 148–186.
24. Dneprovskii N.V. The sentinel-temple complex on the ledge of the southwestern cliff of the Eski-Kermen plateau. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture], 2013, vol. 11 (4), Series A, pp. 68–94.
25. Dneprovskii N.V. On the question of the existence of a monastery at the southern gate of Eski-Kermen: a temple complex above the access road. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* [Black Sea Region. History, Politics, Culture], 2013, vol. 11 (4), Series A, pp. 95–118.
26. Dneprovskii N.V. From Archaeological Heritage of E.V. Veymarn: “The Ritual Complex” at the Western Outskirts of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], 2014, vol. 6, pp. 417–455.
27. Zavadskaya I.A., Golofast L.A. Pottery Assemblages from Production Carvings in Quarter 1 of the Ancient Town of Eski-Kermin (2006 and 2007 Excavations). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 305–358.
28. Zavadskaya I.A. The Particulars of the Numeric Proportions of the Ground Plan of the Basilica of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2021, vol. 26, pp. 143–155.
29. Ioannisyian O.M. Single-nave churches in the architecture of Armenia and Byzantium (Constantinople, Asia Minor, Pontus, Greece, Cyprus). Functions and Typology. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage Museum], 2013, vol. 69, pp. 64–116.
30. Mavrodinov N. *Ednokorabnata i krestovidnana ts'rkva po B'lgarskit' zemi do kraia na XIV v.* [Single-nave and cruciform churches in the Bulgarian lands until the end of the 14th century]. Sofia, 1931, 188 p.
31. Parshina E.A. Excavations at the site Eski-Kermen in 1979. *Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea RAS*, folder 169, D. 94.
32. Parshina E.A. Excavations at the site Eski-Kermen in 1980. *Scientific Archive of the Institute of Archeology of Crimea RAS*, folder 1083.
33. Parshina E.A. Eski-Kermen Basilica. Bibikov S.N. (Ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu* [Architectural and archaeological research in the Crimea], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
34. Repnikov N.I. Exploration of the ancient water pipeline in Eski-Kermen in 1931. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, vol. 11–12, pp. 62–65.
35. Repnikov N.I. Archaeological exploration in Eski-Kermen in 1928–1929. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 107–151.
36. Repnikov N.I. Remains of the fortifications of Eski-Kermen. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 181–212.

37. Repnikov N.I. Eski-Kermen lift road. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1935, vol. 117, pp. 18–42.
38. Repnikov N.I. Report on the work on Eski-Kermen in 1936. *Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, F. 2, Op. 1, 1936, D. 268.
39. Repnikov N.I. The site Eski-Kermen. Gol'msten V.V. (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya* [Archaeological research in the RSFSR. 1934–1936. Brief reports and details], Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941, pp. 277–282.
40. Ryzhov S.G. Small churches of Chersonesos. *Drevnosti–2004* [Antiquities 2004], Khar'kov, 2004, pp. 160–166.
41. Sedikova L.V., Ryzhov S.G. Small churches of medieval Kherson (Chersonose). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara], vol. II, Samara, 2020, pp. 274–275.
42. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143.
43. Shmit F.I. Report of the Eski-Kermen expedition. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Messages of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, vol. 7, pp. 25–29.
44. Shmit F.I. Eski-Kermen Basilica. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213–253.
45. Ernst N.L. Eski-Kermen and cave cities of Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1929, vol. III (60), pp. 15–43.
46. Iakobson A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early medieval Chersonese. Essays on the history of material culture]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 364 p.
47. François V. *La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre*. Paris, Musée du Louvre editions, Somogy editions d'Art, 2017, 456 p.

Информация об авторе

Завадская И. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-8383-2018.

Author information

Zavadskaya I. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-8383-2018.